Ц. С. Гадиа

Афористические изречения абхазского фольклора

Ц. С. ГАБНИЯ

АФОРИСТИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ АБХАЗСКОГО ФОЛЬКЛОРА

(ЖАНРОВО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ)

Научный редактор канд. филол. наук
Ш. Х. Салакая

СУХУМИ. АЛАШАРА. 1990

82.3 Аб
Г 12

Рецензенты — канд. филол. наук **С. Л. Зухба**,
канд. филол. наук **В. А. Когония**

Оформление обложки **Л. И. Евменова**
Редактор **Л. Е. Аргун**

ГАБНИА Ц. С. Афористические жанры абхазского фольклора: Жанрово-тематические и структурно-семантические особенности. — Сухуми: Алашара, 1990. — с.

В работе рассматривается жанровая сущность абхазских паремий: пословиц, поговорок, недоговорок; делается попытка выявить структурно-семантические особенности паремических единиц. Исследование позволяет раскрыть богатство художественного фонда устно-поэтического творчества абхазов, а также проследить его связи с этнопсихологией народа.

Книга рассчитана на фольклористов, психологов и всех, кто интересуется афористическими жанрами абхазского фольклора.

0502000000
Г ———— 067 . 90
М623(06)90

ISBN 5-8144-0247-4

© Издательство «Алашара», 1990

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена исследованию жанровых особенностей абхазских паремий: пословиц и поговорок. В процессе исследования этого малоизученного жанра абхазского фольклора возникла необходимость расширения границ пословиц и поговорок, в результате чего в анализ включены и недоговорки.

Исходя из особенностей паремических жанров, их органического отношения к стилистике языка, автором избираются как литературоведческий, так и лингвистический метод исследования. Такой подход, на наш взгляд, наиболее удобен для раскрытия и уточнения ряда семантических особенностей (образность, обобщенность) пословиц и поговорок, а раскрытие некоторых особенностей в структуре названных паремий, разумеется, облегчит процесс их разграничения. В основу исследования интонационных особенностей абхазских пословиц и поговорок легла их идейно-эстетическая сущность.

Поскольку на образование пословично-поговорочных единиц оказывают воздействие логико-семантические процессы, то в данной работе сделана также попытка рассмотреть вопросы функционирования паремий в речи и связанные с ними эмоционально-психологические процессы.

Предпринятая попытка изучения жанровых особенностей паремий позволяет раскрыть не только богатство художественного фонда устно-поэтического творчества абхазов, но и его связи с этнопсихологией народа. Рассмотрение абхазских паремий на стыке поэтики, языка и психологии позволяет сделать вывод и о том, что на образование пословично-поговорочных и недоговорочных единиц оказывают воздействие социально-этические и логико-семантические процессы.

Основой для данного исследования послужили полевые материалы, собранные во время экспедиций по Абхазии (1982—1984 гг.): в Гудаутском, Сухумском и Очамчирском районах и г. Гагра.

В процессе работы над проблемой автором использованы труды, посвященные изучению жанра паремий русских и советских фольклористов, лингвистов, критиков, психологов: В. И. Даля, Г. Л. Пермякова, А. А. Крикманн, З. А. Ализаде, А. В. Кунина, И. М. Оницканской, В. Л. Цвинариа, Л. С. Выготского, В. К. Вильюпаса, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурия и др.; материалы сборников абхазских пословиц и поговорок, изданных в разное время Д. И. Гу-

лиа, Ш. Д. Инал-ипа, С. Адлейба, Х. С. Бгажба, Ш. Х. Салакая, Ш. Т. Камкиа, А. Арчелиа, а также еще неопубликованные материалы по жанру паремий, собранные В. Чирикба, Г. В. Смыр, Т. Джопуа, Г. Джонуа, С. Дбар, Ан. Хеция и др.; публикации абхазских пословиц и поговорок П. К. Услара, Г. Курцикидзе, А. П. Чарая, М. Джанашиа, А. Чукбара, С. Алферова и др.; анализировались и те абхазские пословицы, которые печатались в СМОМПК, Известиях АбИЯЛИ, журнале «Алашара» и других органах периодической печати.

Первыми наиболее значительными публикациями по интересующей нас тематике являются два сборника Д. И. Гулиа — «Абхазские пословицы, загадки и скороговорки» (Тифлис, 1907) и «Абхазские пословицы, поговорки, загадки, скороговорки, омонимы, омографы, народные приметы о погоде, заговоры и наговоры» (Сухуми, 1939). В них вошло около полутора тысяч пословиц и поговорок. Тексты в сборниках даны в оригинале и переводе на русский язык.

Наиболее полным из такого ряда работ является сборник «Абхазские пословицы» (сост.: Ш. Д. Инал-ипа, С. Адлейба. Сухуми, 1967). Здесь впервые произведена тематическая классификация пословиц. В предисловии Ш. Д. Инал-ипа останавливается на основных жанровых признаках абхазских пословиц: устойчивости, краткости, образности, вариантности, указывает на связь данного жанра с социальными, политическими и экономическими условиями жизни абхазского народа, т. е. ее создателя и носителя.

Первый шаг к теоретической разработке жанров паремий был сделан абхазским ученым Х. С. Бгажба.

В сборник Т. Ш. Камкиа «Золотые слова» (Сухуми, 1970) вошли как чисто народные пословицы, так и стилизованные, по-видимому, созданные самим автором афоризмы. В предисловии подчеркиваются эстетические функции жанра, указывается на заимствованный характер многих пословиц.

В хрестоматии для вузов «Абхазское народное поэтическое творчество» (сост.: Ш. Х. Салакая, Тбилиси—Сухуми, 1975) анализируются исторические и этнографические корни абхазских пословиц, указывается на необходимость учета их особенностей в процессе классификации.

Наиболее глубоко исследованы жанры абхазских паремий в учебнике «Абхазское народное поэтическое творчество» (С. Л. Зыхуба, Сухуми, 1981), где автор анализирует структурно-семантические особенности жанра, указывает на исторические, социально-бытовые корни его.

В 1983 г. издан сборник «Абхазские пословицы» (сост. Х. С. Бгажба), в котором дана характеристика тематических, функциональных и художественных особенностей паремий.

В 1986 г. читатель получает еще один сборник абхазских пословиц и поговорок («Абхазские пословицы», сост. А. Арчелиа). В 1989 г. была опубликована статья канд. филол. наук Р. А. Хашба «Абхазские афористические жанры»[1], в которой впервые использован метод структурного анализа, что помогло автору сделать ряд существенных выводов по семантике жанра.

Паремия — жанр, где наиболее полно раскрывается художественное чутье и эстетический вкус абхазского народа. Именно на эту особенность устно-поэтического творчества абхазов указывает видный абхазский литературовед, критик В. Л. Цвинариа в своей книге «Абхазское стихосложение»[2].

На сегодня специалистами и энтузиастами собрано около 10 000 абхазских пословиц и поговорок. Однако все еще нет единого сборника, который объединил бы этот богатейший материал. В публикациях отсутствует классификация видов паремий. Все жанры объединены в пословицы. Согласно же требованиям современной паремиологической науки жанры паремий должны быть записаны с учетом их фонетических и диалектических особенностей в их живом бытовании, т. е. в контексте речи. В дальнейшем классификация жанров абхазской паремии несомненно будет производится по принципам систематизации фольклорных жанров, которым придерживаются русские и советские фольклористы В. И. Даль[3], Г. Л. Пермяков[4], В. Я. Пропп[5] и др. Так, например, по Проппу, жанр определяется его тематикой, бытовым применением, формой исполнения, отношением к музыке. Следовательно, в жанр паремий следует включить: пословицы, поговорки, недоговорки, загадки, скороговорки, формулы приветствия и благопожелания, формулы табу (охотничий язык, язык шелководства).

---

1 Хашба Р. А. Абхазские афористические жанры. — Алашара, № 6, 1989, с. 121—126.
2 Цвинариа В. Л. Абхазское стихосложение. Сухуми, 1987.
3 Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957.
4 Пермяков Г. Л. От поговорок до сказки. М., 1970.
5 Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976.

ЖАНРОВО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ АБХАЗСКИХ ПАРЕМИЙ: ПОСЛОВИЦ, ПОГОВОРОК, НЕДОГОВОРОК

Паремии являются одним из жанров устного народного поэтического творчества. В систему паремических жанров входят: пословицы, поговорки, недоговорки, загадки, скороговорки, различные виды паремий общения (клятвенные формулы, проклятия, формулы табу — охотничий язык у абхазов и др.), которые «...с удивительной меткостью выражают сущность довольно сложных явлений».

В данной работе, как уже это оговаривалось, будут рассмотрены пословицы, поговорки и недоговорки.

По Б. Телавову, «пословицы и поговорки — это исторически сложившееся, выразительное, меткое, предельно краткое, лексически и семантико-грамматически устойчивое ходячее изречение, выражающее обобщающую мысль и воспроизводимое в акте речи из памяти в готовом виде, с определенным значением».

Пословицы и поговорки суммируют жизненный, социально-исторический опыт трудящихся масс. По выражению В. Г. Белинского, это поэзия «ходячей», житейской, практической философии народа», т. е. это житейская, социально-бытовая философия, выраженная просто в слове. «В простоте слова, — говорит М. Горький, — самая великая мудрость, пословицы и песни всегда кратки, а ума и чувства вложено в них на целые книги».

Художественная задача пословиц и поговорок — в конкретных случаях лаконично, образно и выразительно обобщать или выражать ту или иную мысль, украшать речь или текст. Вместе с тем они выступают как одна из форм общественного сознания. «Сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием, а бытие людей есть реальный процесс их жизни»[6]. О чем бы конкретно ни говорилось в пословицах — это всегда обобщенная форма выражения мысли, это конкретное поэтически-образное выражение социально-исторического опыта народа. А такое обобще-

[6] Маркс К., Энгельс Ф. Об искусстве. Т. I. М., 1957, с. 90.

ние в пословицах и поговорках — результат долгой эволюции человеческого мышления. Авторами этих мудрых выражений были, несомненно, люди, способные, остроумные, отличающиеся наблюдательностью, умением улавливать самое характерное и важное в жизни и обладающие светлым поэтическим мышлением. Так человеческий ум абстрагировал частные выводы из наблюдений над явлениями природы и жизни. Конкретные случаи мысленно отвлекались от первоначального значения и стали характеризовать общие закономерности явлений. А народ отшлифовал их, увековечил, пронес через столетия, постоянно используя в своей повседневной жизни.

Пословицы, в силу своей изустной природы, являясь своеобразными историческими «первоисточниками», помогают сделать выводы о характере народного мировоззрения и тех изменений, которые происходили в народе под влиянием действия социально-экономических причин. Каков реальный процесс, т. е. каково экономическое, общественно-политическое, культурное положение народа, таковы и идеи пословиц и поговорок народа. «Может быть, — пишет М. Шолохов, — ни в одной из форм языкового творчества народа с такой силой и так многогранно не проявляется его ум, так кристаллически не отлагается его национальная история, общественный строй, быт, мировоззрение, как в пословицах»[7]. Национальная специфика паремического фольклора выражается в деталях быта, реалиях.

Пословицы и поговорки имеют универсальное значение, поскольку у разных народов им присущи многие общие закономерности в структуре и семантическом выражении. Традиционные общие жанровые приметы, однако, не исключают оригинальности пословиц и поговорок. У каждого народа прослеживаются свои особенности, относящиеся к их художественной природе, бытованию, тематике и историческому развитию. Сказанное относится и к абхазским пословицам и поговоркам. Вместе с интернациональными мотивами они дают материал, ограниченный определенными национальными рамками, обусловленными многими факторами языкового и этноисторического развития абхазского народа.

Главное назначение пословиц и поговорок — не изображать те или иные жизненные явления, а выражать к этим явлениям определенное, уже сформировавшееся и проверенное отношение, подвести итог событию, обобщить его художественным образом так, чтобы оно могло прилагаться ко многим жизненным ситуациям и для каждой из них оставаться правильной, «изрекать истину».

В определениях пословичного жанра у русских и советских

[7] Шолохов М. Предисловие к кн.: Даль В. Пословицы русского народа. М., 1957, с. 3.

ученых[8] нет принципиальных разногласий. Они как бы дополняют друг друга и в общем дают многостороннее описание пословиц как исторически сложившегося фольклорного жанра, характеризующегося предельной краткостью, сжатостью, образностью, выразительностью представляющего собой эстетическую категорию прекрасного. В пословицах наблюдается синтез красот — интеллектуальной, эстетической и нравственной. Они эстетичны в семантическом, структурном плане, объединяя два вида творческой деятельности: эстетическое творчество+интеллектуальное. Отсюда пословица не только категория поэтическая, но и эстетическая, философская, что способствует совершенству ее формы и содержания. Совершенство пословичного стиха дополняет согласие пословичной мысли с действительностью. Все это можно отнести и к абхазским пословицам.

Абхазские пословицы отвечают принципам краткости, сжатости, устойчивости, выразительности, и при всей своей национальной специфичности имеют много общего с пословицами других народов. И сегодня они свидетельствуют не только о глубокой мудрости и душевной красоте абхазского народа, создавшего их, но и сами являются идеальным воплощением этой мудрости и красоты. Абхазские пословицы, как и пословицы других народов мира, просты и легки в восприятии. Это одно из достоинств устного народно-поэтического творчества вообще. «... Сила выражения должна быть сосредоточена в наименьшем пространстве и прозрачна, — а это есть один из законов прекрасного по Фехтнеру»[9]. По силе художественного и нравственного воздействия на человека, по богатству и многообразию тем, охватывающих социальный и трудовой опыт народа, абхазские пословицы и поговорки стоят в одном ряду с пословицами и поговорками других народов мира.

Особенности исследуемых паремий (метафоричность, выразительность, обобщенность смысла, краткость и сжатость структуры) ставят исследователя в сложную ситуацию при решении вопроса классификации. Работы ведущих паремиологов убеждают в том, что к проблеме классификации нужно подходить с учетом всех классификационных принципов. Каждая из классификаций обладает своими достоинствами и недостатками. От цели и задачи исследователя зависит выбор того или иного принципа классификации. Для сравнительного изучения наиболее приемлема алфавитная классификация, использованная Д. Лукатосом. Для выяснения философской сущности и выявления историко-этнографических реалий в пословицах полезна тематическая классификация, которая лежит в основе сборника русских пословиц В. И. Даля[10]. А если подойти к пословицам как к логическим категориям, выражающим отношения между вещами и явлениями жизни, то несомненна большая ценность логико-семиотической классификации Г. Л. Пермякова[11].

Существование различных принципов классификации пословичного жанра говорит о том, что еще не создан единый принцип классификации паремического материала, что в свою очередь выдвигает зависимость выбора того или иного принципа классификации от задачи исследования.

Предлагаемый подход к исследованию абхазских паремий основывается на главном принципе марксистской методологии о диалектическом единстве содержания и формы, позволяющем полнее раскрыть как специфические, так и общежанровые поэтические особенности абхазских паремических жанров. Поскольку в данной работе жанры паремий будут изучаться как свободные паремии вне речи и в процессе их реализации в речи, то наиболее подходящими кажется логико-тематический и предметно-образный принципы классификации. Так, пословицы будут рассматриваться в обоих смысловых планах, т. е. логико-тематическом (по типам представленных в пословицах понятий), и семиотическом (как знак определенных ситуаций, логических выводов). В этом отношении жанры паремий получили наиболее глубокое исследование у Г.Л. Пермякова[12], который разрабатывал теоретические вопросы паремий в трех аспектах — лингвистическом, логико-семиотическом и предметно-образном. При этом он исходит из того положения, что «...пословицы и поговорки при всей видимой простоте представляют собой весьма непростые образования. С одной стороны, это явление языка, сходное с обычными фразеологизмами; с другой — какие-то логические единицы (суждения или умозаключения); и с третьей — художественные миниатюры, в яркой, чеканной форме отражающие факты живой действительности»[13]. И именно это сложная система паремических жанров требует комплексного подхода к ним: лингвистического, логико-психологического, логико-семиотического и предметно-образного. Такой комплексный подход помо-

---

[8] Буслаев Ф. И. Пословицы и поговорки. М., 1859; Потебня А. А. Из лекции по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьков, 1930; Соколов Ю. М. Пословицы и поговорки. — В кн.: Русский фольклор. М., 1938; Даль В. Пословицы русского народа. М., 1957; Гаврин С. П. К вопросу об отличии пословицы от поговорки в советском русском литературном языке. — Ученые записки Пермского пед. ин-та, вып. 17. Кафедра русского и иностранного языка. 1959, с. 23—46; Жигулева А. М. Русские пословицы и поговорки. М., 1969, с. 3—41; Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки. М., 1970, с. 8—31.

[9] Варналис К. Эстетика — Критика. М., 1961, с. 197.

[10] Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957.

[11] Пермяков Г. Л. Избранные пословицы и поговорки народов Востока. М., 1979.

[12] Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки, с. 8.

[13] Там же, с. 8.

жет раскрыть структурно-семантические особенности паремий, т. е. их жанровое своеобразие в системе жанров фольклора и места его в этой системе.

На образование пословично-поговорочных единиц оказывают воздействие логико-семантические процессы. Именно семантические свойства пословичных формул влияют на формирование данных единиц и их функционирование. Отсюда, логико-психологические процессы создают пословицу, а производящим механизмом является логико-синтаксическая модель, т. е. пословица — продукт логико-лингвистической операции.

Логическую модель абхазских пословичных жанров для краткости можно определить с помощью формулы: $П_1 = ПП$, где «П» пословицы номинативного характера, утверждающие определенные понятия:

Аҧсадгьыл — шьамуп[14] Родина — священна.
Агулеи агуи[15]. Что сосед, что сердце.

$П_2$ — ПСХ. Здесь имеется в виду серия пословиц, которые представляют собой «...образные варианты неких типических ситуации»[16]. Абхазские материалы также подтверждают мысль о том, что пословицы являются знаками ситуации. Они выражают отношения людей к сложившимся ситуациям:

Зыҧсадгьыл зцәыӡаз // У потерявшего родину //
ҧстазаарагъ имам[17]. нет жизни.

Поговорка: Таҟьа лымҳатцә аиҧш // дылбжьахуашеит[18].
Исчезла, как ложка Таки.

Данного вида пословицы по степени выразительности делятся на пословицы-метафоры (те, которые подвергаются полной метафоризации) и на пословицы с частичной метафоризацией. Как известно, «метафора есть перенесение значения по сходству»[19]. Часть абхазских пословичных стихов[20] наиболее метафорична. При этом все словесные компоненты подвергаются полному переосмыслению. Вызвано оно изменением соотношения между структурой выражения (лингвистический строй) и структурой содержания пословицы. При этом пословичные компоненты выступают не в собственно-терминологических значениях, а как средство вторичной номинации каких-либо предметов и явлений. По существу происходит отталкивание пословицы от собственно-терминологического значения:

Абгахуҷы / кутыжь уфарыма анырҳәа // ачча иак'уан[21].
Когда у лисицы спросили, «не поела бы ты курятину», ее смех разбирал.

Поговорка: Аҳа дышқуу // Находясь на грушевом дереве //
атцәа дықулоит[22]. одновременно лезет на яблоню.

Вопрос соотношения прямого и переносного значения в структуре пословичных стихов вызвал спор у паремиологов. «Рядом с непосредственным, прямым смыслом народных изречений, возникает их переносный смысл, и чем более метко и глубоко обобщены в них сделанные наблюдения, тем шире возможности переносного их применения»[23]. В. П. Аникин не соглашается с этим высказыванием. По его, в народной речи пословица никогда не употребляется в любом переносном смысле. Напр., «Сухая ложка рот дерет», — пословица открывает огромный простор для толкований в переносном смысле, а в народной речи она употреблялась только по поводу одного конкретного случая — когда говорили о взятке и взяточничестве во всех его формах. Абстрактный подход к толкованию переносного значения пословиц народа недопустим, их надо знать в конкретных толкованиях народных масс»[24]. Теорию многозначности поддерживает и А. А. Рыбникова, но и она делает оговорку относительно «образного объяснения множества подобных явлений»[25]. Исследование абхазских пословиц в их живом бытовании говорит об устойчивости паремических единиц не только в семантическом плане, но и в структурном. Хотя по этому вопросу мнение ученых и разделились, большинство все-таки стоит за теорию устойчивости. Фольклористы И. Снегирев, Ф. Буслаев, Э. Б. Тайлор, Г. Л. Пермяков, лингвисты А. В. Кунин, И. М. Ониц-

---

14 Абхазские пословицы. Сост.: Инал-ипа Ш. Д., Адлейба С. Сухуми, 1967, с. 11 (на абх. яз.).
15 Там же, с. 72.
16 Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки, с. 20.
17 Абхазские пословицы, 1967, с. 11.
18 Зап. в селе Джирхуа Гуд. р-на от Д. Чкотуа, 53 года, 8.V.1982 г.
19 Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение. Л., 1959, с. 221.
20 О стиховой структуре паремий см. в главе II данной работы.
21 Мачавариани К. и Гулиа Д. Абхазская азбука. Тифлис, 1892, с. 22.
22 Зап. в селе Калдахуара от Хамит И., 43 лет, 10.VI.1983 г.
23 Андрианова-Перетц В. Пословицы и поговорки. Вступительная статья к сб. «Избранные пословицы и поговорки русского народа». Сост.: Колпакова Н. П., Мольц М. Я., Шаповалов Г. Г. М., 1967, с. 3.
24 Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957, с. 13.
25 Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки. М., 1961, с. 14.

канская, В. И. Гаврис[26] утверждают, что пословица представляет собой предложение, обладающее устойчивостью и относительной неизменяемостью формы и существует в языке в виде готовой единицы. А. А. Куниным была доказана устойчивость паремических единиц на:

а) уровне употребления;
б) структурно-семантическом уровне;
в) лексико-синтаксическом уровне[27].

Но это мнение не разделяют Б. Тилавов, Г. Григас и др. По мнению Б. Тилавова, «...нельзя рассматривать пословицы и поговорки, как навечно данные, неизменные, древние, мудрые изречения... Многие пословицы и поговорки находятся в состоянии непрерывного изменения и развития в связи с изменением и развитием общества»[28]. Почти тоже самое мы читаем у Г. Григас: «Пословицы — это прежде всего элементы языка как инструмента коммуникации. Они натурально функционируют в речи и по характеру передачи информации стоят близко к неустойчивым предложениям»[29].

Говоря о структурно-семантических особенностях абхазских пословиц и поговорок, хочется отметить тот факт, что в структуре абхазских паремических жанров не содержатся переменные величины. Они обладают устойчивостью на: а) семантическом уровне; б) лексическом уровне; в) синтаксическом уровне.

Устойчивость на лексическом уровне проявляется в стабильности лексического состава пословичных стихов, в ограничении числа лексических вариаций. Устойчивость на синтаксическом уровне выражается в стабильности порядка слов в пословичных предложениях. Это не говорит о том, что абхазские пословицы не имеют вариантов. Но варианты пословиц различаются только в плане выражения, и то носят в основном диалектологический характер. Варианты пословицы — это пословицы, одинаковые по семантической и стилистической окраске, но имеющие незначительные различия на лексическом уровне.

---

26 Снегирев И. И. Опыт рассуждения о русских пословицах. М., 1823; Буслаев Ф. Русская народная поэзия. СПб., 1861, с. 78—132; Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1939, с. 49—55; Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки, с. 8; Кунин А. В. Английская фразеология. М., 1970, с. 110; Оницканская И. М. Структура пословиц и образованных от них фразеологических оборотов. Л., 1961, гл. I; Гаврис В. И. Крылатые выражения и их роль в обогащении фраз-го состава современного немецкого языка. М., 1971, с. 126.

27 Кунин А. В. Указ. раб., с. 110.

28 Тилавов Б. Поэтика таджикских пословиц и поговорок. Душанбе, 1967, с. 92.

29 Григас Г. Методологические вопросы сравнительного изучения Балтийских и Славянских пословиц. Вильнюс, 1978, с. 4.

Варьирование существительного:

Мышкы ахра зауз // Человек, получивший царство на один шәфык рхы хисон[30] день // снял головы у сотни людей. (Рис. нар.: «Колиф на час»).

Снак ахра зауз // шәфык рхы хисон.

Варьирование носит синонимический характер. Варьируется существительное мышцы (г. е. день). В одних случаях произносится **снак**, в других случаях **мышкы**.

Об устойчивости свидетельствует и тот факт, что народ в своей речи никогда не употребляет пословицу в иной синтаксической форме. Применительно к абхазским парениям вполне уместно сказать, что структурно-семантическая устойчивость является внутренним, т. е. жанровым признаком пословичных единиц.

Совершенство поэтической формы, стройность композиции, глубина выражения народной мудрости — все это способствует широкому распространению пословиц и поговорок в среде абхазского народа и их активному бытованию. Даже пословицы, так сказать, религиозного содержания, или слабо выраженного классового характера, не исчезли, а сохранились в памяти народа. Они используются в ироническом смысле в оценке отрицательных явлений, имеющих место в повседневной жизни и в быту. Но это, однако, не говорит о том, что абхазские пословицы бытуют только лишь в застывшей форме. Жанровый состав абхазской паремии находится в состоянии непрерывного обновления.

Обогащение пословичного состава представляет процесс отражения того нового, что имеет место во всех сферах материальной и духовной жизни абхазского народа. Оно идет в основном двумя путями: путем создания новых пословиц и путем их заимствования. Все заимствованные пословицы оформляются (даже сливаются, их иногда трудно отличить от собственно абхазских) по нормам и правилам абхазской грамматики и законам поэтики абхазской паремии.

Встречаются «паремии общения», которые широко популярны в устной речи абхазского народа. По форме они тяготеют к пословицам, т. е. имеют ярко выраженную афористическую форму выражения, но по своей поэтической структуре далеки от настоящих пословиц. Даже когда в подобного рода выражениях и есть какая-то образность, степень преодоления первоначального (буквального) смысла высказывания в них очень невысока. Отсюда и недолговечность их бытования. Пословицы и поговорки в силу своих специфических свойств обладают большей жизнеспособностью. Это зависит от силы обобщения, которое носит в себе та или иная по-

---

30 Зап. в селе Члоу от Джопуа Ш. К., 4.11.1978 г.

словица; от устойчивости отраженных явлений, верно подмеченных народом; от высокой морали, которая так пронизывает пословицы и поговорки, от художественного совершенства, от гармонии между формой и содержанием.

Наряду с пословичным репертуаром в абхазский паремический жанр входят и поговорки. У многих народов понятие пословица и поговорка смешиваются. Исследователь фразеологии осетинского языка М. И. Исаев отмечает: «В осетинском языке, как и в многочисленных других языках, для пословично-поговорочного фонда существует одно название»[31]. То же самое у Б. Тилавова в его монографии «Поэтика таджикских народных пословиц и поговорок». Оба жанра паремий он рассматривает под одним названием. В абхазской же фольклористике существует два понятия: понятие пословица (ажәапка) и понятие поговорка (ажәапца). Первое — ажәапка — означает отшлифованное слово; второе — ажәапца — созданное слово. Но, несмотря на эти четкие разграничения, в сборниках публикаций они не сохраняются, хотя пословицы и поговорки являются разнородными явлениями, имеющими не совсем адекватное отношение к общенациональному языку и образному его выражению.

Вопрос разграничения пословиц от поговорок в научной литературе о фольклоре остается открытым. В различных работах фольклористов[32] обычно указывается на то, что «поговорка — это лаконичное образное изречение, характеризующееся категоричностью, определенностью и нередко гиперболичностью. От пословиц поговорки отличаются своей краткостью, незавершенностью умозаключения. Поговорка говорится к слову, оживляет речь, делает ее особо выразительной, поддерживает высказываемое суждение»[33]. В отличие от пословицы поговорка более структурно и семантически проста. «Поговорка... есть поэтический, т. е. иносказательный образ не сложного сцепления лиц и действий, а одного из элементов этого сцепления, стало быть отдельно взятого лица, качества, действия»[34]. Пословица и поговорка различаются и функционально. «Поговорка... это главным образом средство показа; пословица... главным образом средство доказательства, обоснования»[35]. Отсюда, если пословицы охватывают почти все явления жизни, обобщая их и делая соответствующие выводы, то поговорка отражает только некоторые части характера человека или отдельные типичные случаи из жизни, и в смысле сентенционно-дидактического значения, имеет несколько иную функциональную направленность. Совершенство пословичных единиц в идейно-художественном отношении (при соответствии частей) придает им законченный характер.

Для разграничения абхазских пословиц от поговорок важно обратить внимание на структурно-семантические различия между ними. Так, в пословицах выражается стремление народа посредством определенных словесных знаков раскрыть ту или иную особенность человеческого бытия, человеческих взаимоотношений:

Аԥсуа иԥсырҭа // Смерть абхаза в его аламысе[36]
иламыс ауп[37]. (в смысле: для абхаза аламыс дороже жизни).

Пословица и поговорка вовсе не монолитная глыба народного ума, а очень развитая система мыслей, состоящая из отдельных частей, находящихся друг с другом в определенной связи, в историческом единстве. Любая из этих частей обладает своими художественными признаками, имеет свое определенное место. От соответствия этих признаков и частей с общим целым зависит и оценка степени их оригинальности.

Таким образом, образующиеся структуры относятся и к содержанию и к форме, поэтому их можно назвать «содержательными формами»[38]. «А разные аспекты, разные смыслы только тогда воспринимаются как действительно разные, когда они выступают в разных структурах»[39].

Отсюда видно, что содержательная форма действительно характеризует и семантику, и форму пословиц, и поговорок. Поэтому пословицей можно назвать определенную систему, в которой смысл и словесные знаки тесно сопряжены.

Известно, что тексты фольклорных произведений вообще, в силу исключительной сложности их построения и внутренней организации, требуют многогранной системы анализа, что вполне применимо и к паремиям. При всей целостности и глубоком внутреннем единстве художественных текстов пословиц и поговорок в них мож-

---

31 Исаев М. И. Очерки по фразеологии осетинского языка. Орджоникидзе, 1964, с. 7.

32 Буслаев Ф. И. Русский быт и пословицы: Исторические очерки русской народной словесности. Т. I. СПб., 1861; Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор; Даль В. И. Пословицы русского языка.

33 Тарланов З. К. Особенности синтаксиса русских пословиц. Русская речь, 1977, № 4, с. 56.

34 Потебня А. А. Из лекций по теории словесности: Басня. Пословица. Поговорка. Харьков, 1894, с. 108.

35 Гаврин С. Г. К вопросу об отличии пословицы от поговорки в современном русском литературном языке. — Уч. зап. Пермского пед. ин-та, вып. 17, 1958, с. 42.

36 Аламыс — часть абхазского морального кодекса «апсуара».

37 Зап. в селе Джирхуа от Габниа С. К., 28.1.1987 г.

38 Соколов А. Н. Теория стиля. М., 1931, с. 118.

39 Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1968, с. 54.

но наметить отдельные функционально самостоятельные фрагменты, связанные, например, с историческим описанием отдельных фактов жизни, с философскими рассуждениями. Эти фрагменты по своей лингвистической структуре (организации семантических единиц) входят в единую систему.

Главным объектом изображения кратких изречений типа пословиц и поговорок является человек, его мысли, чувства, его взгляды и тот вещественный мир, где он живет, предметы, которые его окружают. Это, в свою очередь, тоже накладывает свой отпечаток на лингвистическую структуру текста пословиц и поговорок. Проникновение в эту структуру помогает (через познание характера человека) подойти к пониманию проблематики художественного текста. Главную роль в структуре художественного текста играет имя (существительное, прилагательное, причастие). Анализ функционирования имени в пословичном тексте позволяет обнаружить одни его потенциальные возможности. Изучение же функции имени в художественном тексте — другие. В последнем случае мы наблюдаем увеличение смыслового объема за счет активного возникновения переносных значений и за счет его центральной организующей роли в самой структуре поэтического текста пословиц и поговорок. Имя в тексте пословиц и поговорок является тем центром, который объединяет план содержания и план выражения. Имя, с точки зрения стилистической характеристики, может рассматриваться так же, как структурно-стилистический сигнализатор — метафора. К примеру, одной из причин того, что носителем абхазского языка, например, пословицы «Ар еибашьуан, Ҳабыць дцəаҕуон» (Войско воевало, Хабыдж пахал) будет восприниматься как пословица, а не как свободная омонимическая фраза, чему способствует наличие в ее структуре лексического сигнализатора **Хабыдж** (имя). «...Чтобы установить значение, необходимо знать значение целого и место в нем отдельного слова»[40]. Пословицы и поговорки, являясь порождением логики и языка, создаются как по правилам грамматики, так и по законам поэтики, организуясь как готовые общепринятые народные выражения. Поговорка как образное словосочетание включается в систему языка и по своей структуре. По образно-функциональному значению она ближе к изречению и входит в состав паремики как способ словесно-поэтического выражения отдельных мыслей. Поэтому поговорки могут быть предметом не только паремиологии, но и фразеологии.

Итак, мы считаем, что пословицы и поговорки, с одной стороны, это «явления языка, сходные с обычными фразеологизмами, с другой — какие-то логические единицы (суждения или умозаключения), с третьей — художественные миниатюры, в яркой чеканной

[40] Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение, с. 223.

форме отражающие факты живой действительности»[41]. По вопросу о том, входят ли пословицы и поговорки в фразеологию данного языка, мнение ученых, как отечественных, так и зарубежных, расходится. Ф. Буслаев, А. А. Потебня, Е. А. Ляцкий, М. И. Михельсон, А. А. Реформатский и др. рассматривают пословицы и поговорки вместе с другими идеоматическими и фразеологическими выражениями. В. В. Виноградов же пословицу к фразеологизмам не относит. Не пришли к единому мнению и участники первой межреспубликанской конференции по вопросам фразеологии, состоявшейся 15—18 сентября 1959 года в Самарканде, в САМ Гу[42]. Большинство зарубежных лингвистов отнесли пословицу к языковым явлениям и, что характерно, они не выделили пословицы из группы одном как особое языковое явление.

И. А. Осовецкий категорично высказался за то, чтобы все пословицы вывести из компетенции науки о фольклоре и оставить их в рамках лингвистики[43]. А исходя из особенностей пословиц и поговорок, заимствоваться из других языков в оригинальном виде и путем кальки, А. М. Финкель и Н. М. Баженов пришли к выводу, что эти признаки свойственны только лексике и фразеологизмам. А. В. Кунин, И. И. Чернышева, В. Д. Архангельский[44], наоборот, подчеркивают, что пословицы должны изучаться как в фольклоре, так и в фразеологии, т. е. выдвигают вопрос о необходимости комплексного подхода к ним. Так, А. В. Кунин считает вообще неправильным передачу всех пословиц в ведение фольклора. По А. В. Кунину, пословицу должны изучать как фольклористы, так и лингвисты. Ориентация ученого в области изучения пословиц и поговорок убеждает в том, что паремии могут изучаться и с языковедческих позиций (как часть фразеологии), и как один из фольклорных жанров. Такая позиция несколько не сообразуется с утверждением крупного ученого, знатока пословиц прибалтийского региона Э. Я. Кокаре. Она считает, что «...паремия — это прежде всего языковое явление»[45].

Пословица — это прежде всего логическое явление в художественной форме, а язык — это форма его изложения, форма изложения ее содержания, но это не должно пониматься как формаль-

[41] Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки, с. 8.

[42] Труды Самаркандского ун-та им. Навои. Вопросы фразеологии, вып. 106. Самарканд, 1961.

[43] Осовецкий И. А. Об изучении языка русского фольклора. Русское языкознание, 1952, № 2, с. 98.

[44] Кунин А. В. Английская фразеология. М., 1970, с. 206; Архангельский В. Д. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 1967; Чернышева И. И., Степанова М. Д. Лексикология современного немецкого языка. М., 1962, с. 222—259.

[45] Кокаре Э. А. Интернациональное и национальное в латышских пословицах и поговорках. Рига, 1978, с. 27.

ный знак, поскольку языковое оформление несет в себе определенную семантическую нагрузку. Только в совокупности с формой нечто может выразить определенное содержание. Описание в самых различных аспектах отдельных произведений, жанров, направлений словесного искусства — важнейшая из задач, выдвигаемых комплексом современых филологических наук, занимающихся проблемами поэтики языка, языка и стиля художественной литературы, общей стилистики, поэтики и пр. Поэтому не случайно разрешение проблем поэтики В. В. Виноградов связывал именно с задачами «... изучения законов построения разных типов литературных произведений, словесно-художественных структур — в их историческом развитии и в разных национально-типических модификациях»[46]. Между тем почти нет работ, в которых задачи стилистики решались бы в связи с исследованием своеобразия жанров, жанровых законов, жанровой поэтики. Задачу стилистического синтаксиса усматривают в описании паралельных оборотов речи, различающихся оттенками модально-синтаксических значений. Но не менее интересны и важны вопросы, связанные с выявлением и описанием объема разных типов предложений, наиболее частных и распространенных вариантов размещения частей в них, степени употребляемости и способы выражения разных членов предложения, различных соотношений простых и сложных синтаксических форм манеры осложнения их однородными и обособленными предложениями[47].

Все перечисленные явления синтаксиса обнаруживают зависимость от жанра произведения устного поэтического творчества. Хотя монографические исследования по языку фольклора только начинают появляться, идея необходимости изучать язык фольклора в связи с жанром, выявить и описать жанровую поэтику в ее исторической изменчивости и во взаимодействии с поэтикой, т. е. с поэтическими средствами и традициями иных жанров, давно декларируется.

Одна из задач данного исследования — показать синтактико-морфологические явления в жанре пословиц и поговорок.

При моделировании текста пословиц и поговорок, естественно, следует отправляться не от индивидуальных актов восприятия, а от самого текста пословиц и поговорок, характеризующегося определенным ритмическим строем. При этом, однако, нельзя забывать, что ритма как такового в пословицах и поговорках нет, что ритм обретает реальное существование лишь во время восприятия

---

46 Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, с. 170.

47 Тарланов З. К. Есть ли в русском языке обобщенно-личные предложения? Филологические науки, 1972, № 3, с. 71.

этого текста, а ритмическому восприятию текста способствует стилистическая последовательность языка пословиц и поговорок. А стилистическая последовательность — это расстановка слов в определенном порядке, которая завершается созданием конкретного вида предложения с определенным смысловым значением. Каждое слово в предложении выполняет определенную как синтактико-морфологическую, так и логическую функцию. Отсюда, цель лингвистического анализа пословично-поговорочных единиц — выявление отдельного их языкового знака. Поскольку основными единицами любого языка вообще, в том числе и пословично-поговорочного, являются слова и предложения, они и представляют основной объект исследования, так как отражение действительности в данных паремиях есть не что иное, как явление, «преломленное через призму языковых значений, понятий»[48], т. е. язык представляет собой внутреннюю форму пословичных стихов, обладает содержательной ценностью. Здесь каждое слово полно внутреннего значения. И потому, когда речь идет о лингвистическом подходе к исследованию стиля языка пословиц и поговорок, нельзя забывать, что слово в данном случае будет изучаться не только как проводник образной мысли, а как средство формирования мыслей и образов. Слово в пословицах и поговорках является эстетически организованным структурным элементом стиля. Вот почему слово здесь представляет собой последовательно развертываемую цепь. И основная значимость слова в пословицах состоит в том, что они выполняют образно-характеристическую функцию через систему связей и соотношений лексических единиц. И исследование различных типов пословичных предложений будет идти не в обычном грамматическом понятии. Здесь речь будет идти о тех явлениях языка, которые помогут увидеть в пословичных предложениях «... выразительный организм законченного смысла»[49]. Отсюда, лингвистический метод исследования пословично-поговорочных стихов — есть метод изучения художественного, семантического стиля языка пословиц и поговорок.

Существительное в пословицах выражает субъект, т. е. то, что сравнивается, то, что движет пословичное действие и создает пословичное состояние.

Глагол, выражая определенное действие или состояние пословичного субъекта, создает логическую завершенность.

Существительное, выраженное дополнением, — конкретный объект, на который направлено действие пословичного субъекта.

Имя прилагательное — признак субъекта в пословицах, т. е.

---

48 Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., Мысль, 1965, с. 281.

49 Бенедетто Кроче. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. Ч. I. Перевод Яковленко В. М., 1920, с. 164.

то, на основании чего сравнивается действие субъекта (№ 1) с действием другого субъекта (№ 2), или же один субъект с другим субъектом.

Деепричастие подчеркивает особое состояние субъекта в своем пословичном действии.

Поговорка, выхваченная часть большого целого, которая способствует (в большом целом) раскрытию и пояснению предшествующих мыслей, сама при этом всецело зависима от характера речевой цепи. Помимо этого, дойдя до поговорки, интонация повествования изменяется и усиливается и, таким образом, синтаксические единицы сочетаются на различных уровнях. Отсюда и необходимость записывать пословицы и в особенности поговорки в контексте живой разговорной речи, с описанием психологической стороны говорящего, всей обстановки, в которой происходит беседа. А как выглядит поговорка вне контекста речи? Многие фольклористы рассматривают ее как изречение со структурой словосочетания. Б. Тилавов анализирует ее вместе с пословицей как образование, имеющее структуру предложения, и совершенно не отмечает поговорок со структурой словосочетания. Изучение абхазского поговорочного материала показывает, что поговорки в основном выступают в структуре словосочетания, редко — в структуре простого предложения. Но если считается, что поговорка может иметь не только структуру предложения, но и структуру словосочетания, то трудности отграничения от пословиц могут вызвать только те поговорки, которые выступают в грамматической форме предложения, ибо пословицы, выражая всегда законченное суждение или завершенную мысль, не могут иметь форму устойчивых словосочетаний. Для решения вопроса о том, относятся ли к числу поговорок некоторые устойчивые именные и глагольные словосочетания, необходимо тщательное сопоставительное изучение экспрессивно-образного значения поговорок-словосочетаний с коннотативно-стилистическим значением образных фразеологизмов той же синтаксической структуры. На наш взгляд, иносказательное значение и образ, создаваемый этими устойчивыми словосочетаниями, не всегда достаточно ясно мотивируется значениями компонентов, что свидетельствует о их большом сходстве с обычными фразеологизмами-словосочетаниями. Из фразеологических единиц со структурой словосочетания к поговоркам ближе всего стоят глагольные фразеологизмы с образным значением и именные словосочетания с образным значением. Так, при сравнении пословиц и поговорок, между ними обнаруживаются некоторые черты сходства (образность, устойчивость семантики) и различия в синтаксическом строении и значительные различия логико-семантического порядка.

Из всего вышесказанного следует, что трудность в изучении

пословиц и поговорок состоит в том, что как обобщение многообразного и многовекового опыта народа они *тяготеют к философии,* как определенного типа суждения — *к логике,* как словесно оформленное предложение — *к языку,* как поэтически образное изречение — *к художественной литературе.* И, наконец, исходя из наблюдения над их живым бытованием, напрашивается еще один вывод: жанры паремий — результат эмоционально-психологического отношения человека к явлениям действительности, следовательно, *они есть суть явление психологическое.*

Отсюда и необходимость комплексного подхода к изучению структуры и семантики пословиц и поговорок. Синтаксическо-стилистический подход поможет в свою очередь раскрыть некоторые особенности в структуре пословиц и поговорок, которые облегчают их разграничение. Например, Э. А. Кокаре уверена, что «синтаксическая структура вносит в предложение семантическую определенность, выявляет доминанту содержания»[50]. Решающую роль синтаксическая структура может приобрести и тогда, когда встает вопрос об определении национальной принадлежности типа пословиц. В этих случаях языковые данные могут служить определяющим фактором в установлении происхождения соответствующей паремии из фольклора того или иного народа.

На примере абхазских пословиц и поговорок будет сделана попытка проиллюстрировать специфику функционирования синтаксических явлений в жанре паремии. Выбор того или иного типа предложения обуславливается исключительно жанрово-композиционными требованиями.

В синтаксисе пословичного репертуара невозможны определенно- и неопределенно-личные предложения. Дело в том, что в силу синтаксической природы определенно- и неопределенно-личных структур субъективные и временные отношения, представляемые ими, всегда конкретны, хотя и в разной степени; в определенно-личных предложениях действие и состояние всегда четко локализованы во времени и приписываются определенному лицу; в неопределенно-личных предложениях то же самое, только действие и состояние приписываются неопределенному лицу. Им противостоит обобщенно-личное предложение, в котором обобщенному лицу приписываются и обобщенное действие и состояние, не знающее локализации во времени. И действие, обозначаемое главным членом панхронично, лишено также конкретной личной ориентации. По справедливому суждению А. М. Пешковского, обобщенно-личное предложение — это «... мост, который соединяет личное с общим, субъективное с объективным»[51]. Таким образом, в структуре аб-

[50] Кокаре Э. А. Указ. работа, с. 27.
[51] Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, с. 375.

хазских пословиц и поговорок, как в структуре паремий других народов, глагольные формы обозначают не отдельное какое-либо лицо, а идею лица вообще, идею вселичности. Столь же абстрактно в нем и действие, будучи оторванным от реального грамматического времени. Отсюда, в структуре паремических единиц вообще нет оппозиции времени. Об этом свидетельствует тот факт, что в контексте, где пословицы используются в разных временных формах, сама природа пословицы воспринимается во временной отнесенности. И именно подобная конструкция в высшей степени соответствует жанровым требованиям паремических жанров.

В синтаксисе абхазских пословиц используются лишь некоторые схемы односоставных предложений, а именно: односоставных обобщенно-личных, безличных предложений:

Малла // аҩызара узаахуом[52]. Богатством дружбу не купишь.

Абзиабара ахьаа // хаҟьым дамам[53]. У любовного недруга // нет лекаря.

Абхазские пословицы довольно часто имеют строение обобщенно-личных предложений, что и подчеркивает обобщенный характер раскрываемых ими действий. Нередко встречаются обобщенно-личные предложения с глаголами-сказуемыми

в форме 2-го лица ед. числа:

Зыцәгьа ухәо // уышә дыхгылоуп[54]. Русск. параллель: Легок на помин.

Ухуцны уцәажәа // унаҧшны утәа[55]. Подумав, скажи // оглянувшись — садись.

Ухъыцша учважва // уҧшыта утәва[56]; Абазинская параллель.

в форме 3-го лица единственного числа:

Аҧсаа бзиа // шьҭахь иныҟуоит[57]. Лучшая птица // последней летит.

Аџма анеимса // акуҧьма «хеир» аҳәеит[58]. Когда коза чихнула // шакал сказал: «Хеир!»

в форме 2-го лица единственного числа повелительного наклонения:

Лашә ухымҟьан // цыркь унымхан[59]. Слепой не сбивайся // хромой не отставай.

---

52 Золотые слова. Сост.: Камкиа Ш. Т. Сухуми, 1970, с. 20 (на абх. яз.).
53 Там же, с. 19.
54 Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1964, с. 402.
55 Там же, с. 385.
56 Зап. в Москве от абазина Хоранова Ш., 24.X.84 г.
57 Зап. в селе Джирхуа от Чкотуа Д., 27.V.1983 г.
58 Бгажба Х. С. Указ. раб., с. 385.
59 Там же, с. 401.

Обобщающий характер значения пословиц поддерживается также постановкой глагола-сказуемого в форме настоящего времени, имеющего грамматическое значение вневременности или обычности действия:

Ажолар ирҳәо ҟалоит[60]. Слово народа сбывается.

Ҭәи млашьы зеибадыруам[61]. Сытый голодного не разумеет.

В пословичном репертуаре абхазов встречаются: а) безличные предложения с главным членом, выраженным модальным глаголом в сочетании с усеченным инфинитивом смыслового глагола; б) безличные предложения в форме вопросительного предложения:

Жьа зыбжьахьада?[62] Кому удавалось приручить зайца?

Пословицы такого рода лишь по форме являются вопросительными, по существу же — это риторические вопросы. Они не предлагают ответа и не ставятся для того, чтобы побудить слушателя сообщить нечто неизвестное говорящему. Функция риторического вопроса — привлечь внимание, усилить впечатление, повысить эмоциональный тон, создать приподнятость. Вовлекая слушателя в рассуждение или переживание, делая его более активным в процессе восприятия, ситуация заставляет самого субъекта сделать вывод: в данном случае вопрос носит утвердительный характер.

Абхазские пословицы представлены в виде простых и сложных предложений. Двусоставные предложения преобладают над односоставными. Предложения представлены здесь схемами обобщенно-личных и безличных предложений. Наиболее распространенными из них являются обобщенно-личные предложения:

Илоуҵаз ауп иааурых'уа[63]. Русск. параллель: «Что посеешь, то пожнешь».

Преобладание двусоставных в структуре абхазских пословиц является отражением того, что в системе языка односоставное предложение противопоставлено двусоставному не только организацией предикативного центра, но и стилистически. Двусоставное предложение в абхазских пословицах характеризуется максимальной централизацией, проявляющейся в монолитности, исключительно последовательно реализуемом равновесии составляющих его компонентов, в поляризованном расположении наиболее значимых его членов. Отсюда и пословичная гармония, гармония между содержанием и формой. Остановимся на подлежащем. В структуре пословиц подлежащее чаще всего выражается существительным,

---

60 Абхазские пословицы, 1967, с. 22.
61 Там же, с. 20.
62 Зап. в селе Члоу от Джопуа Ш., 27.VI.1983 г.
63 Джанашиа Н. Абхазский культ и быт. Христианский восток. 1917, т. 5, вып. 2—3, с. 163.

затем прилагательным, местоимением, инфинитивом и другими частями речи. Все они выступают как необходимая часть пословичного поэтического целого, без которой немыслима любая из этих вышеприведенных форм. Они всегда присутствуют в структуре паремических единиц (пословиц) с максимально централизованной организацией:

Анапы анапы аҙәҙәоит[64]. Рука руку моет.
Аҙы ахьышьтрахь ихынхәуеит[65]. Река возвращается в русло.

Очень разнообразцы схемы двусоставных пословичных предложений. Господствующей формой является предложение с подлежащим, выраженным именем существительным и сказуемым, представленным глаголом настоящего времени:

Анасып мчыла иузаагом[66]. Счастье силой не притянешь.
Ажәа ажәа ахылҿоит[67]. Слово слово рождает.
Ажва ажва уахъшит. Абазинская параллель.

Двусоставное пословичное предложение не отличается разнообразием второстепенных членов: оно включает, как правило, определение, выраженное почти исключительно именем прилагательным или дополнением, которые представляются, в основном, формами имен существительных. Бедно оно также и однородными членами, что обусловливается жанровой спецификой.

Одним из излюбленных приемов синтаксической организации абхазских пословиц является бессоюзное соединение простых предложений, выражающих общее отношение сопоставления:

Ацгу хумаруан // Қошка играла //
Аҳәынаҧ ҧсуан[68]. Мышь умирала.
Атҵла ҧашәала игылоуп // Дерево держится корнями //
ауаҩы тынхала[69]. человек — родными.

Последнее вызвано особенностями данного жанра, стремлением его создателя «... довести ум легчайшим путем до желаемого понятия», более того это «... во многих случаях единственная и во всех случаях главная их роль»[70].

64 Зап. в селе Джирхуа 4.X.1979 от Шамба М.
65 Зап. в селе Джирхуа 18.V.1979 от Шамба М.
66 Абхазские пословицы, 1967, с. 28.
67 Дзидзария О. Г. Морская лексика в абхазском языке. Сухуми, 1989, с. 127.
68 Бгажба Х. С. Указ. раб., с. 402.
69 Абхазская азбука. Мачавариани К. и Гулиа Д. Тифлис, 1982, с. 20.
70 Гронфельд А. Г. Фигура в поэтике и риторике. В кн.: Вопросы теории и психологии творчества. Т. I. 2-е изд. Харьков, 1977, с. 335.

Из приведенных примеров видно, что двучленная пословичная конструкция начинается формулой, выражающей общее, как бы бесспорное суждение, подытоживающее определенный житейский опыт, наблюдение народа над его жизненной практикой, и оно (это суждение) подготавливает второе, частное суждение, могущее быть применимым уже к конкретной жизненной ситуации. Это общее суждение, выраженное в первой части сложного целого, благодаря синтаксическому использованию в тождественной функции, и становится постоянным художественным образом пословичной формулы. Следовательно, слова и их формы объединяются в пословице именно таким образом, чтобы они наиболее динамично представляли общее содержание целого. Отсюда, семантические особенности пословичного стиха нельзя объяснить без учета его синтаксической структуры. «Более того, структуру любого художественного произведения, в том числе и пословицы, рационально понимать именно как структуру его содержания»[71].

Поговорки, как уже отмечалось, имеют структуру предложения и структуру словосочетания, а также поговорочное словосочетание, как и простое словосочетание, состоит из слов, соединенных синтаксической связью. Но, если у простых словосочетаний данная связь временная, то синтаксические связи внутри поговорочных стихов постоянные. В структуре поговорки не наблюдаются синтаксических изменений. Даже в контексте речи пословичное словосочетание входит в структуру предложения как синтаксическое целое, что служит доказательством того, что оно является паремической единицей.

Поговорки, как и пословицы, могут иметь структуру простого предложения:

Иҧьыба амҵ тыҧсааит. В его кармане муха сдохла (в смысле: пусто в кармане).
Ихуда ҳәызба цагула иҧырҟеит. Горло ему перерезали тупым ножом.

Встречаются среди поговорок и незавершенные сложноподчиненные предложения с придаточным определительным и придаточным сравнительным предложениями:

Зкамбашь хьаанза атра ҟазҵаз еиҧш[72].
Подобно тому, кто построил хлев, еще ненародившемуся буйволенку.
Псҳәы мала ицан ииаз еиҧш[73].
Как тот, кто съездил зря в Псху.
Смышьхулҵ аху шлаанза[74].

71 Крикманн А. А. Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы. — В книге: Паремиологические исследования. М., 1984, с. 151.
72 Зап. в селе Джирхуа 12.V.1979 от Шамба М.
73 Зап. в селе Джирхуа 14.V.1979 от Шамба М.
74 Зап. в селе Джирхуа 25.V.1979 от Смыр А.

Пока волосы на локте не поседеют (т. е. никогда).

Такого рода незавершенные предложения в абхазском языке характеризуются устойчивостью структуры и яркой образностью, вытекающей непосредственно из содержания высказывания. Однако в форме сложных предложений поговорка не встречается. Это, в первую очередь, объясняется логико-семантическими различиями между пословицами и поговорками. В пословицах всегда чувствуется завершенность мысли. Поговорки передают частное или незавершенное суждение и поэтому характеризуются большей лаконичностью формы. И если пословицы чаще всего выступают в структуре двусоставных предложений, то поговорки, в основном, односоставные. При этом они обычно представлены не обобщенно-личными предложениями, а определенно-личными:

Аҵьма жьы уфама?[75] Козлиного мяса поел, что ли? (что, мол, так смешься?).

Иуцхада?[76] Кто тебя укусил? (т. е. за что обижаешься?). Рус. пар.: «Какая муха тебя укусила?»

Если говорить о логико-семантическом различии, существующем между абхазскими пословицами и поговорками, то в поговорках обычно отсутствует назидание, обобщение, свойственные пословицам, а при функционировании в речи поговорки выступают как меткие изречения, используемые для характеристики отдельных лиц, их отрицательных или положительных свойств, в качестве определенных жизненных ситуаций, связанных с действиями или поведением человека.

Поговорки по своим структурным моделям делятся на бинарные и многокомпактные. Большинство поговорок имеют бинарную конструкцию. Наиболее часто встречаются поговорки-словосочетания со структурой:

а) имя существительное + имя существительное;
б) имя существительное + причастие;
в) имя существительное + имя прилагательное.

Поговорки первой группы наиболее многочисленны:

Аԥынеи Куаԥынеи[77]. (Т. е. неразлучные). Аджин и Куаджин. Рус. пар. Добчинский и Бобчинский.

Рач иԥыраҳәа[78]. Как передник Рача. Так говорят надоедливому человеку.

Азын ахуаш[79]. Зимой в пятницу. Рус. пар.: «Жди у моря погоды».

Алаку ажәа[80]. Сказочное слово. Сказка.

[75] Зап. в селе Джирхуа 12.V.1979 от Чкотуа З.
[76] Там же от Чкотуа З.
[77] Зап. в Москве 11.III.1982 от Джонуа Б.
[78] Зап. в Москве 24.IV.1983 от Джонуа Б.
[79] Зап. в селе Бармыш 26.V.1984 от Дбар С.
[80] Зап. в селе Джирхуа 22.V.1984 от Смыр А.

Поговорки, построенные по структурной модели: имя существительное + причастие, встречаются реже:

Ажәлар акуԥцәа[81]. (Досл.: тот, на которого народ плюнул).
Адаба заадырхаз[82]. (Досл.: тот, которого ударили палкой. В смысле: оскорбили, унизили).
Аԥа ԥынтла икылҟьаз[83]. (Досл.: выскочивший из собачьего носа. Рус.: собачье отродье).

Поговорки, состоящие из существительного и прилагательного и выполняющие именную функцию, составляют небольшую группу. Особенность поговорок с такой структурой заключается в том, что они грамматически оформляются как одно слово: имя существительное + имя прилагательное:

Акапеи кылтцәа[84]. Дырявая копейка. В смысле: ничего не стоит. Рус. пар.: Ломаного гроша не стоит.

Азнаашә кучышь. Досл.: Мокрый цыпленок. Рус. пар.: Гадкий утенок.

Пословицы и поговорки составляют жанровую разновидность абхазских паремий. У них есть общие черты:

а) оба жанра обладают самостоятельностью и могут существовать вне контекста речи;
б) они образны;
в) устойчивы в структурно-семантическом отношении, но обладают устойчивостью не потому, «... что воспроизводятся в готовом виде, а наоборот... воспроизводятся в готовом виде потому, что обладают устойчивостью на фразеологическом уровне»[85].

Для обоих жанров устойчивость является жанровым признаком. Различаются по структурно-функциональным особенностям. Если пословица всегда выступает в структуре полного простого и сложного предложения, то поговорки, в основном, в структуре словосочетания, реже в структуре простого предложения. Но, в отличие от простых фразеологических словосочетаний, поговорочные сочетания не содержат переменных величин в своей структуре. Вместе с тем они ярки и метафоричны. Структурное различие названых жанров вызвано их семантическими особенностями. Пословица выражает определенное понятие. Этот, с одной стороны, логический вывод, результат сопоставления и противопоставления определенных явлений действительности; с другой, она есть знак

[81] Зап. в селе Джирхуа 22.V.1984 от Чкотуа Д.
[82] Зап. в селе Члоу 3.V.1984 от Джопуа Ш.
[83] Зап. в селе Джирхуа 22.V.1984 от Габниа С.
[84] Зап. в селе Члоу 3.V.1985 от Джопуа Ш.
[85] Кунин В. А. Английская фразеология. М., Высшая школа, 1970, с. 110.

определенных ситуаций, поступков, действий, состояния. Отсюда и ее логическая завершенность. В отличие от нее, поговорка — намек на определенную характеристику, с точки зрения поэтики на определенное явление, действие. Богатство жанровых особенностей требует, в свою очередь, комплексного подхода: поэтического, лингвистики и, как выражающие эмоционально-психологическое состояние человека, требуют к себе психоаналитического подхода. Пословицы и поговорки, таким образом, — явление: поэтическое, логическое, языковое и психологическое.

Наряду с пословицами и поговорками, в жанр абхазской паремиологии входит и недоговорка[86] — ажәаԥҵәа. Термин «ажәаԥҵәа» не является народным, и на сегодняшний день это единственное наименование, которое мы вводим для названия рассматриваемого жанра абхазских паремий. Выбор термина был обусловлен рядом причин: во-первых, тем, что с его помощью сразу же указывается на существенный признак данной группы паремий — недоговоренности; во-вторых, он соотносится с названиями других жанров абхазских паремий — «ажәаԥҟа» (пословица) и «ажәаԥҵа» (поговорка).

По утверждению А. В. Кудиярова, характерным признаком данного вида паремических жанров является недоговариваемость или же усеченность: — «Если эллиптическое сокращение всегда обратимо, то в данном случае мы сталкиваемся с сокращением необратимым, которое назовем усечением. Эллипсис носит временный характер, усечение же стало нормой»[87].

Абхазская недоговорка объединяет два близких рязряда паремических единиц:

ажәаԥҵәа — «простая недоговорка»;

ажәаԥҵәацәҟьа — «истинная недоговорка».

«Простая недоговорка» — это, в основном, уселенная часть широко известной паремии (чаще всего пословицы), ныне функционирующей в языке и в речи в усеченной форме со значением полной паремии. Она, как и другие жанры паремий, не создается в речи, а воспроизводится как устойчивая единица, образуя при этом новую разновидность абхазской паремии, т. е. тип — ажәаԥҵәа.

Нужно отметить и тот факт, что усеченная форма не допускает отсылки к отсеченной части своего целого, она и в усеченной форме употребляется в том же значении, что и в полной форме.

Сама паремия (первоначальная форма):

Ԛ-жьак ирышьҭалаз // акгьы изымкит[88].

---

[86] Термин заимствован у М. Г. Прядохина (См.: Китайские недоговорки — иносказание. М., 1977).

[87] Кудияров А. В. О монгольских речениях. Страны и народы Востока: Наука. Вып. VI. М., 1971, с. 97.

[88] Зап. в селе Хуап 9.VIII. 1983 от Анкуаб Н.

Кто погнался за двумя зайцами // не поймал ни одного.

Сама недоговорка ныне функционирует как самостоятельная паремия:

Ԛ-жьак ирышьҭалаз ихьыз ихьт[89].

С ним случилось то, что случилось с тем, кто погнался за двумя зайцами.

В контексте живой разговорной речи данная паремия всегда приводится только в усеченной форме. В полной форме приводится только в тех случаях, когда слушателю требуется пояснение.

Все это говорит о том, что данная паремия обладает собственной устойчивой микросистемой и находится в состоянии активного бытования:

Ԛ-жьак ирышьҭалаз ихьыз ихьит //

Амаан-ҧха дыҧрит / Ашам-ҧха мап ицәылкит[90].

С ним случилось то, что случилось с тем, кто погнался за двумя зайцами // улетела Амаан-пха / Ашам-пха отказалась.

Как свободная и независимая паремия недоговорка не теряет своей значимости и вне контекста. Она сама по себе говорит о каком-то факте: некто взялся одновременно за два непосильных дела, в результате чего ни одно не было завершено. Пример: «Ухаживающий одновременно за двумя девушками не добился успеха — одна вышла замуж за другого, вторая — отказала ему». Но, вместе с тем, недоговорка относительно зависима от контекста. Контекст необходим и для конкретизации недоговорочного смысла, и для слушателя № 2 (лица, не знающего смысла пословицы), когда контекст возвращает нас к первоначальной пословичной форме. При этом семантическое значение сказанного (т. е. недоговорки) познается с помощью иллюстрации аналогичного факта, либо ситуации из обыденной жизни.

Итак, коммуникативно-содержательную форму бытования недоговорки можно расчленить на четыре части:

1) сообщение, передача факта:
   С «ним» случалось то, что случилось с «тем»,
   кто погнался за двумя зайцами;
2) конкретизация факта:
   Улетела Амаан-ҧха, а
   Ашам-ҧха отказала ему;
3) возвращение к первоначальной форме данной паремии, познание факта для слушателя № 1:
   Что случилось с тем, кто погнался за двумя зайцами?
4) обобщение факта:
   «Субъект» ничего не достиг, остался ни с чем.

---

[89] Зап. в селе Джирхуа 23.II.1979 от Шамба М.

[90] Зап. в селе Джирхуа 18.V.1981 от Смыр А.

Как видим, «простая недоговорка» как паремическое явление не создается самостоятельно, а представляет из себя вторичную форму, модуляцию первичной, завершенной (стилистически и семантически) пословичной структурой. Таким образом, она функционально зависима от той структурно-смысловой основы, которая в случае употребления недоговорки присутствует имплицитно (скрытно) — подразумевается и дает о себе знать.

«Простая недоговорка» возникает как некая метаязыковая форма за пределами реально-конкретного, но подразумевающего в данной ситуации текста. Ее связь с пословицей постепенно исчезает и становится настолько туманной, что новая, усеченная форма приобретает самостоятельные признаки. Данное явление вполне объяснимо с точки зрения внутри паремической трансформации. Понятие паремиологической трансформации охватывает случаи не только взаимного перехода паремии друг в друга, но и переход в паремии других жанров фольклора. Вопрос о трансформации в паремии других жанров фольклора тесно связан с вопросом о генезисе народных речений. Показательно в этом отношении исследование А. А. Потебни. Рассматривая вопрос перехода басен в пословицу, он отмечает, что «...содержание басни может быть представлено, как намек: а) или таким образом, что от басни остается одно только конечное изречение; б) или таким образом, что все содержание басни составляет пословицу»[91]. Это говорит о взаимодействии жанров, а длительное взаимодействие не может не привести к переходу одного жанра в другой, или к переходу произведений из одной группы в другую; живым примером тому и является переход недоговорки из пословицы в другую разновидность паремии.

Но это не аллюзия, т. е. не косвенная ссылка, «выраженная словом или фразой, на исторический, мифологический библейский факт или факт повседневной жизни, сделанная в процессе говорения или письма[92]. Употребление аллюзии предполагает знание факта или лица, на которые делается ссылка, со стороны читающего или слушающего. В условиях произнесения «простой недоговорки» имеет место аллюзия говорящего на ту часть паремии, которая не звучит в процессе устной речи. При этом носитель паремии всегда оговаривается:

Ажьа шкуакуа зкыз ихьыз шэымдыруеи // убас сыхьт саргьы[93].
Вы ведь знаете, что случилось с тем, кто поймал белого зайца, то же самое случалось и со мной.

Таким образом, аллюзия в данном случае, т. е. в контексте,

[91] Потебня А. А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьков, 1914, с. 93.
[92] Кудияров А. В. Указ. раб, с. 96.
[93] Зап. в селе Бармыш 5.V.1983 от Нанба В.

предполагает ссылку на известную пословицу, при частичном ее воспроизведении:

Ажьа шкуакуа зкыз // науишьтыр иан дыԥсуан // науимышьтыр иаб дыԥсуан[94].
Как тот, кто поймал белого зайца // отпустит — мать умрет // не отпустит — отец умрет.

В структуре данного речения имеет место передача факта: «С ним случилось то же самое, что случилось с тем, кто поймал белого зайца», но нет конкретизации факта. А конкретизация факта является неотъемлемой частью в семантической структуре недоговорки. Если ранее приведенная «простая недоговорка» («С ним случилось то, что случилось с тем, кто погнался за двумя зайцами») существует как паремия и вне контекста речи, то данный пример есть фрагмент паремии, который приобретает определенный смысл только в совокупности с сознательной отсеченной частью.

В аллюзиях очень важно, чтобы код носителя паремии и код слушателя образовали «пересекающееся множество структурных элементов»[95], т. е. чтобы слушателю был ясен смысл языка пословиц:

——————→ ←——————

А если структура одного из этих кодов оттолкнет от себя структуру другого кода, то произойдет деформация частей, и они никогда не пересекутся:

——————→ ←——————

А в структуре недоговорки код ее носителя сам идет к слушателю и сам пересекается с ним. Происходит не взаимопересечение, а пересечение прямой линии с точкой опоры:

——————→ .

Если не будет контекста, не будет и аллюзии, поскольку она не есть вторично моделирующая система, а представляет собой фрагмент речения.

Ажәаԥҵәа — «простая недоговорка» — есть вид паремии, жанровой особенностью которого является недоговариваемость. В ней нет интонации законченности:

Кто погнался за двумя зайцами...

Здесь есть иносказание — т. е. первая часть, а вторая часть (раскрытие) отсутствует. Раскрытие происходит уже не в самом контексте данной паремии, а в контексте речи. В контексте речи она несет в себе признаки усеченной формы, так как на определенном, более или менее значительном, отрезке речи, во многих случаях характеризующемся синтаксической обособленностью, или даже самостоятельностью, она оказывается употребленной в усеченном виде. Признак недоговариваемости проявляется не только

[94] Зап. в селе Джирхуа 7.V.1982 от Смыр А.
[95] Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970, с. 36.

в усеченной форме недоговорки, но и тогда, как было показано на вышеприведенном примере, когда она носит форму полной паремии. В отличие от пословицы и поговорки, в структуре которых эллипсис имеет случайный характер, необусловленный внутренними особенностями их структуры, в недоговорках потенциальная возможность эллипсиса (признак, на основе которого они получили свое название) определяется структурными особенностями этого жанра, заложена в самой их природе и реализуются как в семантических, так и в стилистических целях. Здесь нужно отметить и тот факт, что в структуре простых недоговорок содержится одна особенность, частично отличающая ее от других типов недоговорок, которая заключается в том, что смысловой недоговариваемости соответствует структурная усеченность.

Ажәаҧцәаҟуацәкьа — «истинная недоговорка» в полной форме (т. е. в контексте речи), в отличие от ажәаҧцәа — «простой недоговорки» — представляет собой целую систему речений. Однако надо иметь ввиду, что некоторые из «истинных недоговорок» в действительности имеют целую систему речений, а другие, если не целое речение, то микроречение — т. е. вслед за «истинной недоговоркой» идет раскрытие ее недоговоренной части. Здесь может возникнуть возражение в том плане, что, мол, и все виды «истинных недоговорок» только в устной речи раскрывают то имплицитное, что составляет их сущность. Развитие, которое существует внутри самих видов истинных недоговорок, проиллюстрируем на примерах:

Ллымха ахушац ҭашәеит // акрышаҳфоз дааҳадгылт[96].

В ее ухо крошка попала // она зашла в момент, когда мы ели (в значении: «что-то краем уха уловила»).

Первая часть данной истинной недоговорки («Ллымҳа ахушац ҭашәеит») не вызывает у слушателя недоумения, не создает атмосферы ожидания чего-то особенного. Однако за провозглашенной частью следует раскрытие смысла ее функциональной актуализации, после чего иносказание восполняет свое первоначальное значение, свое первичное языковое выражение:

1-я часть: Иносказание — Ллымҳа ахушац ҭашәеит.

2-я часть: Раскрытие — акрышаҳфоз дааҳадгылт (семантический сдвиг).

Если исходить только из собственно языкового текста, данная часть истинных недоговорок представляет собой форму законченного предложения лишь в синтаксическом отношении. В этом смысле недоговорка очень близка к пословице, которая также представляет собой законченную языковую единицу, выраженную в форме

[96] Зап. в селе Дурипш 17.III.1983 от Гицба Р.

простого и сложного предложений. Однако здесь имеется одна особенность истинной недоговорки, отличающая ее от пословицы: она имеет структуру исключительно простого распространенного предложения. Употребление ее в иной синтаксической форме почти не встречается. Употребление истинной недоговорки в строе простого распространенного предложения выявляет специфический характер ее структуры с точки зрения проникновения в нее слов, не относящихся к ее лексико-фразеологическому составу. Она всегда вписывается в речь естественно, не вызывая ощущения стилистического несоответствия. В числе же отличительных признаков устойчивых паремических единиц (пословиц) признается замкнутость их лексического состава, «члены которого обычно не способны сочетаться с другими словами и застыли в строго определенной грамматической форме»[97].

Итак, если пословицы «...обладают замкнутой структурой, не способны к распространению и функционируют в речи, не допуская осложнения словами, не принадлежащими их к структуре»[98], то для недоговорки, даже если она будет иметь структуру предложения, этот признак не носит всеобщего характера, так как значительная часть недоговорок имеет открытые словесные схемы. Что касается истинных недоговорок, известное их количество, как было уже сказано, отличается как от пословиц, так и от большей части сопоставимых с ней недоговорок. Со стороны собственного контекста истинная недоговорка выражается в форме простого предложения; с другой стороны, она, в большинстве случаев, употребляется в речи в значении «истинной недоговорки». В самостоятельном употреблении недоговорка подвергается изменениям по парадигматической оси, т. е. способна принимать элементы внешней дистрибуции после себя:

Вариант I:

1-я часть: Ҳабҧьыцқуа ҧжәеит; 2-я часть: ҳаилгеит[99].
Наши листки порвались, мы расстались. В смысле: узы дружбы оборвались, мы больше не друзья.

Вариант II:

1-я часть: Ҳабҧьыцқуа ҧжәеит. 2-я часть: уаҳа ҳагьеиқумшәеит[100].

[97] Архангельский В. Л. О понятии устойчивой фразы и типах фраз. В кн.: Проблемы фразеологии. М.—Л., 1964, с. 118.
[98] Там же.
[99] Зап. в селе Абгархыку 15.VI.1982 от Смыр Ч.
[100] Зап. в селе Бармыш 6.VI.1982 от Нанба В.

Таким образом, «истинные недоговорки» состоят из двух частей:

Самой истинной недоговорки, и той части, которая в структуре истинной недоговорки завуалирована. Однако эта вторая часть нужна ей для раскрытия сказанного смысла, что специфично только для истинной недоговорки. Каждое слово здесь имеет свое семантическое значение. В отличие от первой, эта часть не образна.

Первая же часть является доминирующей образно-смысловой, иносказательной единицей, которую поясняет ее часть вторая...

Семантика, передаваемая в контексте истинной недоговорки, специфична в том отношении, что связывающие ее члены, в пределе собственного контекста, не укладываются в рамках тех логико-грамматических отношений, которые присущи пословицам.

Первая часть истинной недоговорки — своего рода загадка. Но в отличие от загадки она входит в число коммуникативных средств языка (отсюда ее близость к пословицам и поговоркам). И, если в загадке — это то, что ожидается от лица, которому предлагается загадка, то в структуре истинной недоговорки разгадка — это то, что сообщает носитель данной паремии, но уже во второй части.

Истинная недоговорка как паремия может рассматриваться изолированно, вне контекста употребления. Но, в отличие от других паремических единиц, коммуникативная ценность ее в основном заключена в ее второй части. Она употребляется в речи не в значении собственного контекста в целом, как в пословице и поговорке, а в значении ее второго члена. Это говорит и о том, что, если слушателю неизвестна полная форма данной истинной недоговорки, то иносказание (1-й части) ничего ему не сообщает, т. е. коммуникации в этом случае не происходит. Если в контексте употребления опустить первую часть (иносказание), оставив только вторую, смысловое содержание высказывания остается тем же.

Чыч изхара ҳәнаҧыкгьы иамухп // имачны крифоит[101].

Чычу довольно того, что заберешь у мышки (мало ест).

Если пословицы и поговорки в контексте речи выполняют функцию утверждения, или суждения о каких-то отношениях, то истинная недоговорка такой функции не несет. Здесь все наоборот: речевой контекст выражен в виде пословичных словосочетаний. Вместе с тем, в то время как пословица сама является средством характеристики ситуации, и с этой целью включается в процесс речи, истинная недоговорка же сама нуждается в интерпретации. При этом, речь как единственное средство, раскрывающее смысл недоговорки, является формой ее существования. Хотя первая часть ее и представляет собой паремию и существует сама по себе,

[101] Зап. в Москве 9.VII.1985 от Джопуа Т.

т. е. вне контекста, в семантическом отношении она полностью зависит от него, т. е. от речи.

Вторую часть в качестве законченного предложения в семантическом отношении можно рассматривать лишь с точки зрения языкового явления. Как поэтический и художественный феномен она не завершена, не выражает основной мысли, которая содержится в контексте:

Адлеи Капыта //	Адлеи Капыта //
еыла даан //	на коне пришел //
еыла дцеит[102].	на коне ушел.

Если в данном случае исходить из чисто языковой модели, то здесь имеет место обычное сообщение, а если к нему добавить вторую часть, то мы узнаем, что Капыта не просто пришел, а пришел в качестве горевестника. По абхазским обычаям горевестник не сходит с лошади.

Надо сказать, что данная форма иносказания отличается от стилистического тропа — иносказания. Если назначение последнего заключается в метафорическом указании на предмет или на явление, то в структуре недоговорки иносказание просто закрепляет образ, значение которого раскрывается во второй части паремии. Вторая часть может опускаться, если данная недоговорка имеет широкое распространение, и при употреблении человек сможет мысленно восстановить ее. В речи она приобретает форму двустишья, как и пословица. Но если между пословичными параллелями существует определенная структурно-семантическая, причинно-следственная связь, то между параллелями недоговорок нет подобного рода связи. У них свой, неповторимая структура. Здесь даже нет синтаксически необходимой связи, поскольку сама истинная недоговорка есть синтаксически законченное предложение. Нет и ритмической необходимости, так как вторая часть не играет стилеобразующей роли. А отношение, которое сложилось между строками паремии, характеризуется как отношение между иносказанием и его раскрытием.

Другая часть тоже имеет контекст, но он выступает не как прямое, непосредственное, семантико-синтаксическое ее продолжение, а существует рядом с первой частью, т. е. здесь не одна, а две параллели на одной плоскости. Вторая часть не входит в синтаксическую структуру первой части, а образует новую, иногда целую группу единиц, синтаксически связанных с ней. Они включаются в речевую цепь как самостоятельные единицы. Этим они схожи с пословицами и отличаются от выше названных типов истинных недоговорок, которые, как и поговорки, обладают способ-

[102] Зап. в селе Члоу 5.V.1981 от Джопуа Ш.

ностью употребляться в строе простого предложения в качестве отдельного его члена.

Проследим на примере за жизнью одной абхазской истинной недоговорки:

Ишәымҧшаар / саб иҟаиҵаз ҟасҵоит[103].

Не найдете / сделаю то, что сделал мой отец.

Вариант данной паремии существует в фольклоре абазинского народа[104].

Саба йчпаз / сшвымырычпам[105].

Характерно, что данная недоговорка обычно приводится для тех, кто не знаком с ней, а иногда (если окружающие ее знают) — в шутку. Следовательно, она своей загадочностью настораживает не знающего ее смысл слушателя, поскольку носитель недоговорки сам предупреждает его о том, что это уже когда-то было совершено кем-то, в данном случае отцом. Слушатель (т. е. провинившееся лицо) настораживается, реакция молниеносная, и тут же у слушателя возникает мысль — вопрос: что же совершил отец говорящего? Ожидаемый эффект произведен.

За этим обязательно последует просьба рассказать, что же совершил отец.

Вот примерная «расшифровка» сюжетной ситуации, спровоцировавшей выше обозначенное выражение:

Как-то, кто-то верхом на лошади приехал в гости к родственникам. Родственники, естественно, очень обрадовались. Накрыли на стол. Сидели, делились новостями, пили, тосты произносили. А дети, тем временем, сняли с коня седло и пустили его в загон, чтобы конь отдохнул и поел, пока хозяин сидит за столом. К вечеру гость встал и начал прощаться с хозяевами. Вдруг подходят сыновья хозяина, которым было поручено оседлать коня, и заявляют, что коня в загоне нет. Хозяин всполошился. Ему стыдно, мол, подвел гостя, опозорил и себя перед ним, не смог проследить за его конем. А гость, тем временем, узнав о случившемся, спокойно произносит: «Не найдете, **сделаю то, что сделал мой отец».** Всем стало не по себе. С одной стороны, неловко им и стыдно: не смогли проследить за конем гостя, а с другой стороны, возникла настораживающая ситуация: каждый подумал: раз гость решил сделать то, что когда-то сделал его отец, — то его отец, наверняка, совершил что-то необычное; значит, нужно ждать чего-то необыкновенного, скорее всего не совсем приятного. Всех подняли на ноги. Стали искать коня, но безрезультатно. И когда уже гость стал прощаться, хозяин, извинившись, от имени всех присутствующих попросил рассказать им о том, что же все-таки сделал его отец и что собирался сделать сам он. «Что сделал мой отец...». И рассказал о том, как когда-то и его отец тоже пришел к кому-то в гости, и как его конь потерялся и как он взвалил седло на плечи и удалился.

---

103 Зап. в селе Джирхуа 2.III.1982 от Габниа С.

104 Абазины — этническая группа абхазов, проживающих на Северном Кавказе. До XIV в. жили в пределах Малой Абхазии (см. Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1965, с. 47).

105 Зап. в Москве 4.I.1984 от Хуранова Ш. Ш.

А вот другой пример инвариантного бытования недоговорки. Запись произведена в селе Джирхуа у Габниа С. Ему нужно было уехать в город. Он попросил найти его часы. В доме ищут, но не могут найти — сообщают ему об этом. Тот с улыбкой сказал: «Что ж, раз так, то мне придется сделать то, что сделал мой отец» — т. е. уйти без часов.

В некоторых случаях может быть не рассказан предыдущий сюжет, который по своей фактуре и детализации отличается от сложившегося, но идентичен в эмоционально-смысловом отношении (человек нашел выход: ушел без потерянного).

Действие делится на три части. Участвуют: Субъект, Объект, Слушатель.

1-я часть:

СУБЪЕКТ **теряет** → ОБЪЕКТ **не находит** → СУБЪЕКТ **обижается и произносит: «сделаю то, что сделал мой отец».** → ЭФФЕКТ НА СЛУШАТЕЛЯ **его отец сделал что-то необычное?!?**

→ ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ СЛУШАТЕЛЯ **что же сделал его отец?, и что собирается сделать сам?!?** → СЛУШАТЕЛЬ **что же сделал твой отец?** →

→ СУБЪЕКТ **то, что собирался сделать сам** → СЛУШАТЕЛЬ **а, что же?!?** → СУБЪЕКТ **рассказывает о том, как чей-то отец...** →

2-я часть:

→ САМА АЖӘАҦҬӘААЦӘҚЬА **Сделаю то, что сделал мой отец** → ИНФОРМАТОР № 2 **рассказывает о том, как чей-то отец пришел в гости...** → ОБЪЕКТ **потерял лошадь** →

→ ИНФОРМАНТ № 2 → СЛУШАТЕЛЬ → ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ →
обижается и произносит недоговорку. **его отец сделал что-то? эффект ожидания...** **что же сделал его отец?!?**

→ ЭФФЕКТ ОЖИДАНИЯ → СУБЪЕКТ № 2 →
что же все-таки?!? **хозяин спрашивает, что же сделал его отец?**

→ СУБЪЕКТ № 3 → ИНФОРМАНТ № 3 →
сын того отца, который когда-то сделал что-то **превращается в информатора и рассказывает дальше...**

3-я часть:

→ ИНФОРМАНТ № 3 → СУБЪЕКТ № 3 → ОБЪЕКТ →
отец того сына, который решил сделать то, что когда-то сделал его отец **приходит в гости** **теряется его конь**

→ СУБЪЕКТ № 3 → **ОБЪЕКТ** → ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ → СЛУШАТЕЛЯ
обижается и произносит: и сделаю то, что сделал мой отец» и взваливает седло себе на плечи и уходит **эффект обманутого ожидания** **а, что же собирался сделать сам?!?**

→ ЭФФЕКТ ОБМАНУТОГО ОЖИДАНИЯ ТОЛЬКО и ВСЕГО?! → КОМИЧЕСКОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ →

Отсюда, вторая часть недоговорки есть речение, в котором перекрещиваются линия паремии и линия раскрытия (сама недоговорка) — т. е. раскрытия коммуникативного содержания высказывания (контекст речи).

Словом, вышеизложенная семантическая структура недоговорки, составляющая ее основу, реализует в речи основное значение первой части, т. е. значение недоговорки в целом как раскрытие,

при этом выступая как определенная паремическая единица в контексте речи. Она есть надстройка речи.

Отсюда, вторая часть речения есть основное смысловое звено в структуре недоговорки, и именно на ее основе строится сама недоговорка, над которой надстраивается ее собственный контекст.

Собственная недоговорка не выполняет коммуникативной функции в общем контексте высказывания, т. е. во второй части. Свою экспрессивную функцию в отношении последнего она может выполнить лишь благодаря тому, что имеет собственный коммуникативный план. В этом плане функциональные отношения между первой и второй частями носит особый характер и не укладываются в рамках тех логико-грамматических отношений, которые выявляются в других паремических единицах, имеющих структуру сложного предложения. Эти отношения характеризуются как отношения между иносказанием и его раскрытием и сходны (в значительной степени) с теми отношениями, которые в загадке связывают собственно загадку и ее отгадку.

Такие функциональные отношения созданы самим жанром недоговорки. Они сложились и закрепились в нем исторически. Это значит, что они не меняются от речения к речению, а остаются одинаковыми во всех случаях.

И последнее. В приведенном примере обнаруживается еще и тот факт, что недоговорки (их, хотя, не очень много) представляют **собой целый текст;** имеют **трехступенчатую структуру;** в контексте речи **участвуют три повествователя:**

Информант № 1. Он — лицо, от которого мы впервые узнаем недоговорку, и является непосредственным повествователем данного сюжета данной паремии. (Он основной информант).

Информант № 2. Сын того отца, что когда-то сделал что-то, т. е. то, что собирался сделать сам.

Информант № 3. Отец того сына, который произносит недоговорку.

Третья особенность абхазской паремии «ажәаԥҵәацәҟьа» — ее функциональное своеобразие. Она вводится в речь в качестве игры, игра на эмоции, на эффект с комическим финалом. Комический эффект создается оттягиванием, когда психологически важный элемент произносится только в конце рассказа, чем и создается некоторое напряженное ожидание (поскольку слушатель не получает результата того действия, которое было выдвинуто в начале рассказа). Это и есть комический эффект обманутого ожидания: ожидалось нечто необычное, а на деле происходит совершенно ординарное, обыденное. Между недоговорками существуют оттенки различия, которые не мешают их объединению в одну жанровую разновидность. Имеются в виду различия тематического характера и целеустановок. Так, недоговорка «Аеҳәшьаԥҳа даныцәоу дыумыр-

ҷыхан» (Не буди племянницу, (дочь сестры), когда она спит) имеет трагическое завершение, т. е. вызывает эффект грусти, или же писсимизма.

Недоговорки привлекают внимание слушателя, придают речи живой, образный характер, глубоко впечатляют слушателя. Как и пословицы, они являются результатом наблюдения и обобщения повседневной жизни народа, составляют часть его устного творчества.

КОМПОЗИЦИОННО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АБХАЗСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК

Роль интонации в структуре паремических единиц

Абхазские пословицы и поговорки, как и пословицы и поговорки других народов, обладают собственной стиховой микросистемой. У них есть свой темп, своя интонация, определяющая особый тип, особый стиль речи.

В пословичном стихе наблюдается слияние двух типов языка: языка логического, который придает пословицам отчетливую форму, и языка аффективного, благодаря которому пословицы приобретают особую выразительность. Если в обычной логической речи элемент эмоциональности сведен до минимума, то в пословичной речи он достигает высшей логико-эмоциональной сосредоточенности.

Одним из показателей аффективного типа пословичной речи, как речевой системы, является интонация, т. е. основное выразительное средство звучащей речи, позволяющее передать отношение говорящего к предмету речи и к собеседнику»[106]. Интонация придает пословичной речи органическое единство, подчеркивает временно-пространственное соотношение внутри данной речевой системы. Благодаря интонации в пословичную речь вводится субъективно-оценочный элемент, который вкладывает в слово индивидуально-переменное внутреннее содержание, используя для этого мельчайшие оттенки речи.

Исследователь стилистических (собственно звуковых) интонационных характеристик пословиц и поговорок С. М. Берковская выдвинула восемь компонентов пословично-поговорочной интонации:

1) особенность синтагматического членения пословиц и поговорок;

2) мелодию (пословично-поговорный тон);

3) ударение (фразовое, синтаксическое, логическое, эмфатическое, ритмическое);

---

[106] Словарь литературоведческих терминов. Сост. Тимофеев Л. И. и Тураев С. В. М., 1974, с. 108.

4) темп (убыстрение или замедление. Сюда входит особенность произношения каждой синтагмы);
5) диапазон голосового тона пословичной речи;
6) эмоционально-волевой тембр;
7) ритм;
8) вариантность пословичной мелодии[107].

Данная классификация берется за основу в рассмотрении интонационных особенностей абхазских пословично-поговорочных стихов.

Исследование интонации пословично-поговорочных стихов автор ведет в двух направлениях: в аспекте восприятия и идентификации эмоциональных интонаций и их выражения на акустическом уровне. В связи с этим используются различные методы исследования: аудиторный анализ (аспект восприятия), электро-акустический анализ (аспект выражения).

«... Каждый компонент интонации так же, как и их сочетание, служит средством передачи значения пословиц и поговорок»[108]. Отсюда, идейное содержание пословично-поговорочных стихов заключено в сложном комплексе всех его элементов.

Пословично-поговорочная синтагма возникает усилением последнего ударения и паузой и тем самым помогает носителю пословичной речи яснее передать смысл высказывания. Синтагма является неотъемлемым компонентом в структуре пословично-поговорочной речевой интонации.

По структуре абхазские пословичные стихи бывают:

односинтагменные (атрибутивные):

Аура / хаҳароуп[109]. Труд / благодать.
Аҧсадгьыл / шьамуп[110]. Родина / священна;

двусинтагменные:

Ацә змамыз//
иарбаҧь цәаҧуара игон[111]. Рус. пар.: За неимением быка // запрягают петуха.

107 Берковская С. М. Стилистические (собственно звуковые) и интонационные характеристики пословиц и поговорок. Учен. записки МГПИ, № 232. М., 1964, с. 26.
108 Там же.
109 Абхазские пословцы. Сухуми, 1967, с. 12.
110 Там же, с. 11.
111 Там же.

Змгуаҧра бзиоу // Смелый / решительный / //
Аублаагьы дрывасуеит[112]. и с убыхами тягается.

Џьсыуа иченцьыка // Хлеб-соль абхаза //
уаф дахымпҳацт[113]. никто не осквернял;

трехсинтагменные:

Аҧба иҵаз // сцом ҳәа // Находившийся на корабле //
амызгут дахьанҳалон[114]. цеплялся за мачту, утверждая, не поеду.

Бакура // чагала ичан // Бакура мотыгой разрыхляет //
шьапыла икуаҳаит[115]. ногами затаптывает;

реже, но встречают и **четырехсинтагменные:**

Ҭакуажәык // уаҵәы мшаҧуп // Одна старуха едва произнесла:
ууанҙа шьҭа сбылгьангьы «Завтра Пасха, как-нибудь дотяснеип шылҳәоз // дылхаббала ну» — и тут же испусила дух.
дцеит[116].

Аҧсуа жә-заҵәык имазар // У абхаза будет одна корова //
ахыз // иара ижәуеит // сыворотку будет пить сам //
ашә // асас изы иҵәах'уеит[117]. а сыр оставит для гостя.

В структуре абхазских пословиц не было обнаружено семи и восьмисинтагменных типов пословичных структур. Но есть одна пословица, состоящая из **девяти синтагм:**

Аҙыкут убар // ахаҳә агудҵа // иаахар // бзиоуп // иамаахар // ахаҳә // хаҳә ацлап // аҙыкут // аҩызцәа ирыцлап[118].
Заметив утку / кинь в нее камень // попадешь хорошо // не попадешь // камень // прибавится к камням // а утка // уткам.

В связи с анализом синтагматического членения встает вопрос о паузах и их продолжительности. В структуре абхазских пословиц могут быть паузы:

а) физиологическая;
б) психологическая;
в) ритмическая.

Физиологическая пауза — перерыв в звучании пословиц, вызванный особенностями механизма дыхания говорящего.

Ритмическая пауза делит пословицы на синтагмы:

Аҟуа абаагьы / ахьы ҭоуп[119]. И в Сухумской крепости / золото лежит.

112 Абхазские пословицы, 1967, с. 24.
113 Там же, с. 35.
114 Там же, с. 33.
115 Там же, с. 60.
116 Там же, с. 101.
117 Там же, с. 110.
118 Там же, с. 99.
119 Абхазские пословицы. Сост.: Бгажба Х. С. Сухуми, 1983, с. 28.

Межсинтагменные паузы кратки. Они несут стилистическую и семантико-интонационную функцию, подчеркивая связь слов внутри пословичного стиха, с одной стороны, и самостоятельность каждого внутри целого, с другой стороны. Каждый пословичный стих имеет свою систему паузации, что создает пословичную прадацию.

Пауза психологическая (эмоциональная, логическая) возникает в процессе пословичной речи, вызывается переживаниями говорящего. Если в обычной речи психологическая пауза «... не дает информации о какой-то конкретной цели, а указывает на эмоциональное состояние говорящего вообще»[120], то в структуре пословичной речи психологическая пауза свидетельствует: о состоянии гордости, восхищения (родиной, другом, поступком, явлением); гнева и ненависти (за предательство, ложь) и т. д. и тем самым помогает носителю пословичного стиха выделить более значимую часть в структуре целого стиха, выразить свое отношение не только к поступку, но и к самому данному изречению. Это обстоятельство разрушает ритмическую целостность пословичного стиха:

Бзиа иубо исáр // умʒырха ирымԓаумтəын[121]. — Не приучай овец близкого друга // ходить через свой двор.
Бзиа и́убо / исáр / умʒырхá / ирымиаумтəын[122].

Как видим из приведенного примера, логическое ударение меняется. Если в первой строке была одна ритмическая пауза, то во второй количество их увеличивается. В структуре пословичной речи ударение носит переменный характер и зависит от данного эмоционально-психологического состояния ее носителя, от его целеустановок. При произношении одного и того же пословичного стиха в адекватных ситуациях разными людьми может быть сделано разное количество пауз, как психологических, так и физиологических. Психологическая пауза является наиболее характерной, т. е. она является стилеобразующим элементом в структуре пословичной речи.

Итак, пауза входит в систему пословичной выразительности. Благодаря этой сложившейся системе выразительности нарушается обычный тип пословичной речи. Пауза возникает в синтаксически неположенном месте. Она может быть в начале, в середине, и в конце, поскольку строка несет большую смысловую и эмоциональную нагрузку. Частотность пауз вызвана также предельной сжатостью пословичного стиха. В пословичную строку входят минимум два, максимум шесть эмоционально-насыщенных слов. Пауза в

120 Цеплитис Л. К. Анализ речевой интонации. Рига, 1974, с. 81.
121 Золотые слова. Сост.: Камкиа Ш. Т. Сухуми, 1970, с. 19 (на абх. яз.).
122 Зап. в селе Джирхуа 24.VI.1984 от Габниа С.

структуре пословичных единиц есть значащее молчание, выполняющее определенную стилистическую функцию.

Мелодика абхазских пословично-поговорочных стихов

Абхазские пословичные стихи в процессе речи приобретают мелодию, зависящую от эмоционально-психологического состояния ее носителя, поскольку эмоциональность входит как составная часть в смысловой аспект высказывания. Различаются 9 мелодий пословично-поговорочных стихов. Одним из показателей эмоциональности состояния говорящего является тон, который, в свою очередь, способствует возникновению особой пословичной мелодии. «...Эмоциональное же напряжение отражается в напряжении голосовых связок, что автоматически повышает общий тон»[123]. В зависимости от конкретного психологического состояния, тон может меняться, варьировать (повышаться либо понижаться).

Мелодия № 1 — восходящий тип абхазской пословичной мелодии:

Аԥсадгьыл уацəызыр ƙалоит //
аԥсадгьыл уцəызыр ƙалом[124].
Ты можешь быть потерянным для родины, но родину потерять ты не можешь.

Тон пословиц данного типа (т. е. содержащих совет, предостережение) не задерживается на определенном уровне. Сначала первая часть (Аԥсадгьыл уацəызыр ƙалоит //) произносится более спокойно, тон уравновешенный, но приподнятый, а с переходом ко второй части (аԥсадгьыл уцəызыр ƙалом) тон резко повышается. Именно здесь, в этой части, произносится слово-назидание, слово-совет, слово-предостережение, которое связано с эмоциональным состоянием говорящего и с эмоционально-смысловым содержанием, вкладываемым в высказывание. С переходом именно ко второй части пословица достигает в смысловом отношении кульминационной точки — своего апогея; затем идет переход к каденции (моменту падения), замыканию, закруглению пословичного целого. Но в целом тон восходящий, т. к. здесь наблюдаются элементы своеобразия апогея и коденции. В абхазских стихах момент падения не носит подчеркнуто поучительного, назидательного характера, он как бы застывает.

123 Болинджер Д. Интонация как универсалия. — В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., Наука, 1972, с. 228.
124 Зап. в селе Джирхуа 24.VI.1984 от Габниа С.

Таким образом, момент восхождения вырисовывается очень ярко, затмевая и увлекая за собой момент падения. Сам момент апогея подчеркивает истинность содержания той или иной пословицы для каждого ее носителя. Здесь является несомненной и роль ритмического чутья каждого ее носителя. Так, в процессе речи интонация становится частью пословичной структуры, увеличивая ее семантическую значимость, поскольку «...звучание стиха привносит в поэтическое произведение элементы, отсутствующие в его структуре»[125].

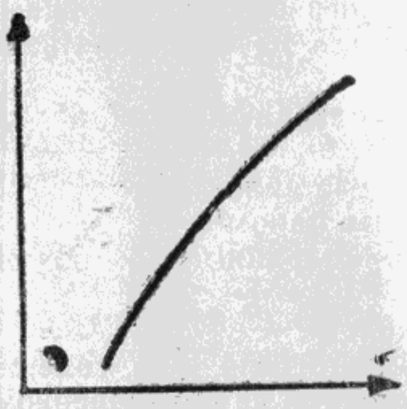
Схема данного типа пословичной мелодии выглядит так:

Сама пословица: Аԥсадгьыл уацәызыр ƙалоит //
аԥсадгьыл уцәызыр ƙалом.

Пословичный стих-назидание:

Аԥса́дгьыл / уцәы́зыр / ƙало́ит //

А-ԥс-а́а́-дгь-ыл // у-цә-ы́ы́-з-ы-р // ƙ-а́а́-л-о́о́-м.

Эмфатически воспроизведенный пословичный стих вкладывает не выраженный словами смысл: гордость за свою Родину; неизбежность сожаления в случае ее потери; обязательство каждого перед ней — не терять ее; уметь постоять за нее, защитить ее. Темп медленный. Эмфатически выделенное слово становится более заметным и значимым в раскрытии основного ее содержания и дополнительного. Степень звучания зависит от степени эмоциональности.

Как видно из схемы, гласные при произношении протягиваются, происходит увеличение эмфатической долготы, т. е. увеличение длительности нескольких звуков, в данном случае гласных **а, ы, о,** чтобы подчеркнуть тембр. Отсюда и несовпадения количества орфографических с количеством фонетических слогов:

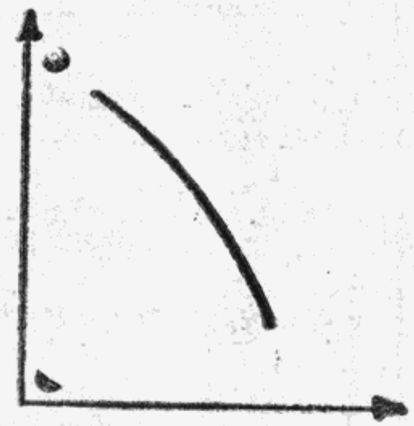
125 Леонтьева А. А. Мелодика стиха. — В кн.: Краткая литературная энциклопедия. М., 1967, т. 4, с. 752.

Орфографическое слогоделение:
Аԥ-сад-гьыл / уцәы-зыр / ƙа-лом.
Фонетическое слогоделение:
А-ԥс-аа-дгь-ыл // у-цә-ыы-з-ы-р // ƙ-аа-л-оо-м.

Этим объясняется и неравномерное временно-пространственное соотношение. Количество фонетических слогов больше, чем количество орфографических. Каждый гласный несет в себе эмоциональное ударение, которое содержит в себе определенную смысловую нагрузку. Не только звуки получают четкое произношение, но и каждое слово сильно выделено паузой, поскольку она несет в себе определенное внутреннее содержание. Отсюда и замедленность темпа, который делит пословичный стих на короткие отрезки и помогает ощутить его звуковую структуру.

Мелодия № 2 — нисходящий тип:

Аибашьра шьƭахь // Махать саблей //
аҳәа вар-вар. после боя.

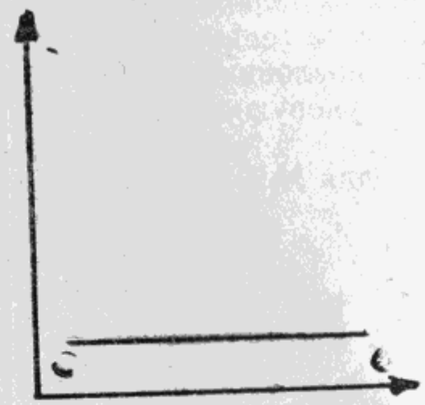

В первой части мелодия держится в средних тонах (аибашьра ашьƭахь), а с переходом ко второй части тон понижается до минимума. Поскольку в первой части содержится **субъект,** носитель обращается именно к нему (имплицитно). Именно он и является причиной грусти и доводит носителя до состояния взволнованности. Отсюда и средняя повышенность тона (стрелка опускается) в первой части. Во второй части носитель выражает свое отношение к первой части — грусть и сожаление о том, что так бывает: А такие категории эмоционального состояния как грусть, сострадание доводят голос до самого низкого тона.

Мелодия № 3 — ровный тип:

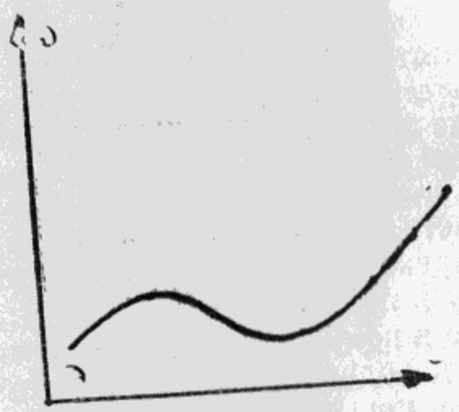
Ажәа // хьыршәыгууп[126].
Слово // золото.

В данную группу входят пословицы-афоризмы, содержащие определенные логические выводы. Носитель произносит с глубокой уверенностью в истинности их содержания. С самого начала до конца тон уравновешенный, уверенный и спокойный.

Мелодия № 4 — восходяще-нисходящий, нисходяще-восходящий тип абхазской пословичной мелодии.

Атла / ҧашәла / иҧуҧуоуп // Дерево сильно корнями //
ауафы / тынхала[127]. человек / родней.

В основе интонации данной пословичной речи лежит определенная смена повышения и понижения голоса (в сочетании с рядом

126 Зап. в селе Джирхуа 24.VI.1984 от Габниа С.
127 Зап. в селе Джирхуа 24.VI. 1984 от Смыр А.

других элементов речи), придающих пословичной фразе тот или иной смысловой оттенок. А смена голосового тона зависит, естественно, от эмоционально-психологического состояния носителя пословицы. Данный пословичный стих вне контекста речи облекается в форму повествовательного предложения, потому средняя высота тона держится приблизительно на одном уровне, понижаясь лишь к концу. А если данная пословица будет воспроизведена в контексте живой разговорной речи в качестве поучительной фразы, тем резко меняется. В структуре полного стиха содержатся два логических ударения. Первое падает на середину первой пословичной строки и тон повышается, слово «ҧашәла» содержит основной смысл первой пословичной строки, далее тон понижается до минимума, затем идет цезура (переход ко второй строке), тон пока пониженный. После первого слова — пауза, которая вызвана тем, что в структуре данной части фразы умалчивается один член. Затем тон опять повышается благодаря логическому ударению, которое подчеркивает важность силы воздействия определенного фактора, в данном случае — родственных отношений. Родство укрепляется и увеличивает силу человека, освобождает его от страха одиночества. Отсюда и восходяще-нисходящий, нисходяще-восходящий тип в данной группе пословичных стихов.

Мелодия № 5 — нисходяще-восходящий, восходяще-нисходящий тип:

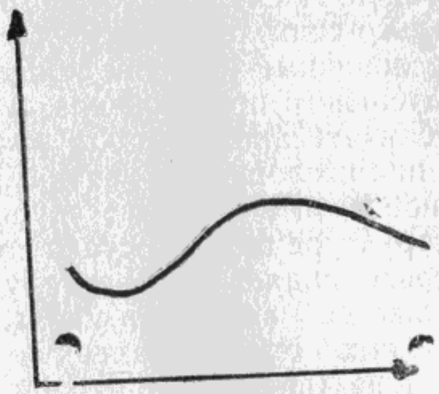
Акыр змаз / иаб иҧсхугьы иуит / иабҧса иҧсхугьы иуит //
егьызмамыз / иабцәкьагь / иҧсху изымуит[129].

Состоятельный человек справил поминки и по родному отцу, и по отчиму, а бедный — не смог справить поминки даже по родному отцу.

Данный тип абхазской пословичной речи мелодии не выделен у Цеплитис Л. К.[128], но своеобразие структуры абхазской пословичной речи позволяет выделить и такой тип мелодии.

«Акыр змаз» произносится с оттенком грусти, отсюда и нисходящий тон. А перечисление, того что сделал состоятельный человек (справил поминки по отцу и по отчиму), сопровождается торжественным тоном. Далее носитель с грустью и состраданием произносит то, что смог сделать тот, у кого ничего не было (егьызмамыз — иабцәка иҧсху изымуит): не смог справить поминки даже родному отцу. Психологическое состояние сопровождается нисходяще-нисходящим типом речевой мелодии:

128 Цеплитис Л. К. Анализ речевой интонации. Рига, 1974.
129 Зап. в селе Джирхуа 14.VI.1984 от Шамба М.

Мелодия № 6 — восходяще-восходящий тип:

К данному типу относятся абхазские пословицы, содержащие иронию, сатиру на поступки людей, на явление действительности:

Абаҩдан / шэ-аашьа / жәабжь / идыруеит[130].

Лодырь знает сотни рассказов о ленивцах.

Сначала в голосе носителя звучат юмористические нотки, что способствует повышению голосового тона, затем переходит в сатиру с оттенком иронии. Тон все повышается и повышается...

Сюда относятся и пословицы, содержащие тон перечислительного характера:

Амшэ / ахаҳэ акушэан / имбыбит //
амҿыху акушэан / имбыбит //
абҧыц акушэан / ибыбит[131].
На медведя / камень упал / не завыл //
бревно упало / не завыл //
листик упал / завыл.

130 Зап. в селе Джирхуа 17.VI.1984 от Шамба М.
131 Зап. в Москве 17.XII.1983 от Джонуа Б.

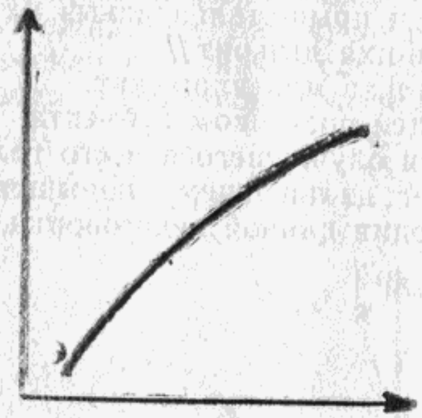
В данном случае повторы, паузы и цезура создают постепенно нарастающее интонационное напряжение, разрешающееся в заключительной части. Нарастание вызвано еще относительной незаконченностью предшествующих паремических единиц. Интонация соответствует содержанию пословичной речи. Она в зависимости от декламации усиливает и индивидуализирует ее выразительность. Она вызвана еще внутренней интонационной связью частей между собой, которая определяет движение пословичной фразы в целом, развитие эмоции, возникающей и все нарастающей и нарастающей.

Схема поговорочной мелодии

Для абхазских поговорок наиболее характерными являются: восходящий тип мелодии и восходяще-восходящий. Встречается и нисходяще-нисходящий тип мелодии.

К восходящему типу поговорочной мелодии относятся абхазские поговорки с дидактической целенаправленностью. Голос носителя, постепенно повышаясь, остается повышенным:

Ар рацәашьан ихынҳәыз //
ихьыз умыхьын[132].
Смотри, чтоб не оказался в положении того, кто, увидя (встретив) войско, вернулся.

Восходяще-восходящий тип поговорочной мелодии

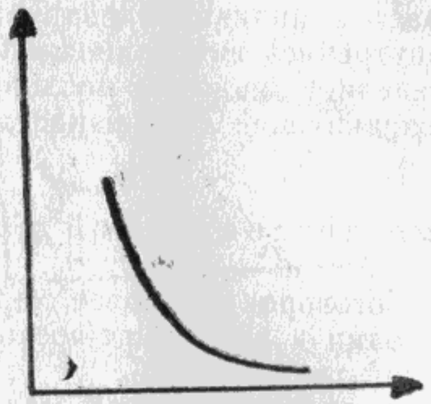
Шардын иҽада ацәажәашьа аиртцон хҳәа //
уацрымтцуеи убри ала[133].
Оставь ты эту собаку //
если не хочешь походить на Шардына, который учил своего осла говорить.

132 Зап. в селе Звандрыпш 26.VII.1983 от Шамба И.
133 Там же.

Ирония легкая, отсюда и веселый тон говорящего, что способствует повышению основного тона.

Поговорочная речевая мелодия нисходяще-нисходящего типа выражает жалость к определенным лицам, поступкам:

Анцәа дигуамҧхеит / рыцха[134].
Не приглянулся богу / несчастный

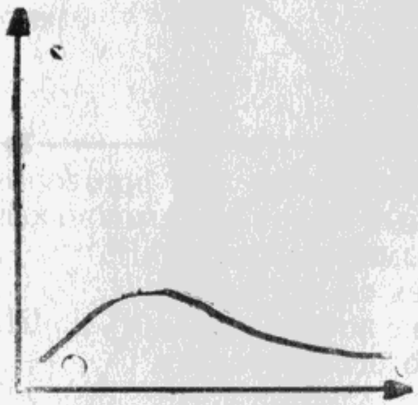

Перейдем к недоговоркам. Исходя из их структурно-семантических особенностей данных паремий, в процессе речи можно выделить три типа мелодий, которые в какой-то мере соответствуют пословичным мелодиям типа: № 1, № 8 — восходяще-нисходящий; № 9 — восходяще-нисходящий, нисходяще-нисходящий.

Мелодия № 1 характерна для простых недоговорок:

Ԛ-жьак ирышьҭалаз ихьыз ихьт //
Амаан-пха дыҧрит //
Ашам-ҧха мап ицәылкит.

Носитель возмущен поступком субъекта. Тон повышается. Затем при перечислении случившегося в его голосе появляется ирония, что способствует дальнейшему повышению тона. Отсюда и восходящий тон мелодии данной недоговорки.

[134] Зап. в Москве 23.XII.1984 от Смыр Г.

В структуре пословиц и поговорок не выделена мелодия № 8, которая является характерной только для абхазских недоговорок.

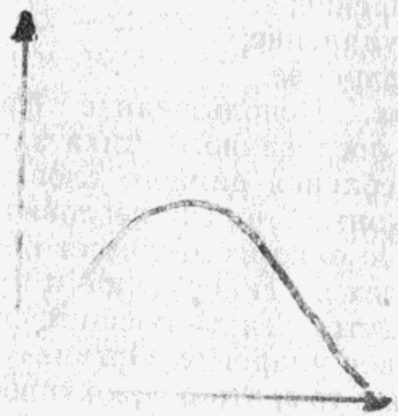
Ллымха хушацк ҭашәеит //
акрышаҳфоз дааҳа́дгылт.

Эмфатическое ударение содержится в последнем слове. Первая часть выступает по отношению ко второй в качестве иносказания, поэтому на нее ложится основная логико-эмоциональная нагрузка. Далее на нее ложится основная логико-эмоциональная нагрузка. Во второй части идет спокойная интерпретация первой части фразы, что характерно для восходяще-нисходящих тонов:

Недоговорочная мелодия № 9 — восходяще-нисходящий, нисходяще-нисходящий тип:

Саб иԥаиҭаз сышәмырԥатцан

Сначала возникает эмоция — назидание, голос повышается, затем начинается рассказ, и идет временный эмоциональный спад, наступает психологическое равновесие, но ближе к концу голос резко повышается, возникает пауза. Слушатели ждут, они взволнованы. Естественно, взволнован и сам носитель. Носитель делает паузу, усиливая эффект ожидания. Затем, прервав паузу, спокойно, ровно завершает рассказ, создавая у слушателя эффект обманутого ожидания. Отсюда и восходяще-нисходящий, нисходяще-нисходящий тип мелодии:

Из вышесказанного следует, что в абхазской пословично-поговорочной и недоговорочной речи содержится около девяти типов мелодий. Из них шесть встречаются в структуре пословичной речи:

1) восходящий тип пословичной речевой мелодии;
2) нисходящий тип пословичной речевой мелодии;
3) ровный тип пословичной речевой мелодии;
4) восходяще-нисходящий, нисходяще-восходящий тип пословичной речевой мелодии;

5) нисходяще-восходящий, восходяще-нисходящий тип пословичной речевой мелодии;
6) восходяще-восходящий тип пословичной речевой мелодии.

Собственно пословичными из них на данном этапе исследования являются 2, 3, 4 и 6 типы мелодий. 1 и 6— встречаются и в структуре поговорочной мелодии. Для поговорочных стихов характерным является нисходяще-нисходящий тип речевой мелодии.

Типы мелодии выделены на основе двух признаков: фонетического и семантического. Мелодическая структура выступает как средство выражения того или иного содержания. В отличие от музыкальной, пословичная, поговорочная и недоговорочная мелодия не задерживается на определенном тоне, а беспрерывно меняется (как бы скользит), поскольку носит ситуативный характер.

С мелодией неразрывно связаны другие элементы интонации. Например, радость и восхищение, содержащиеся в пословицах с мелодией № 1, выражаются не только мелодией, но и интонационной силой, темпом, тембром.

Следовательно, совокупность всех элементов стиля паремической речи создает полную картину о жанровых особенностях паремии вообще.

Ударение

Третьим компонентом пословично-поговорочной интонации является ударение. В структуре абхазских пословичных стихов встречаются:

а) фразовое ударение;
б) логическое ударение;
в) эмфатическое ударение;
г) ритмическое ударение.

Фразовое ударение. Использование фразового ударения в структуре абхазского пословичного стиха зависит от особенностей семантического употребления данного слова, от желания и намерения ее носителя. В контексте речи пословичный стих может иметь несколько ударений. Но одно из них несет организующее значение, т. е. оно компанует стих в единое целое и служит, по выражению Л. В. Щербы, «...цементом, скрепляющим фразу»[135].

Это и есть фразовое ударение. Организующая роль фразового ударения заключается в том, что в совокупности с другими элементами структуры, в зависимости от общего смыслового задания пословичного высказывания, им определяется расположение слов в пословичном предложении.

---

135 Щерба Л. В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. — В сб. Русская речь. Пг., 1923, с. 23.

Фразовое ударение падает на последнее слово пословичного стиха и тем самым данное высказывание закругляется:

Ацабырг // ху амам[136]. Правде цены нет.

Фразовое ударение не только объединяет пословичный стих в единое целое, но и выполняет определенные смысловые и стилистические функции. В приведенных пословицах фразовое ударение выполняет оценочную функцию.

Логическое ударение. «Логическое ударение является одним из интонационных средств, выражающих значение важности»[137]. Оно может нарушить соотношение, установленное фразовым ударением между порядком пословичных слов и мелодикой пословичных стихов. С его помощью в структуре пословичных стихов можно выделить наиболее важное слово, независимо от его места в пословичном предложении:

Ацынча абымбыл ианыладыртэа //
абҕьыжэ иахэауан[138].
Синицу посадили на перину // а она просила листвы сухой.

Если фразовое ударение падает на последнее слово, то логическое ударение может быть на любом слове в зависимости от желания носителя выделить то или иное слово:

Губазаа реиха ахьтахаз // реигушэгьы тарыжьт[139]. Губазóвы бросили цалду туда // куда свалился топор.

Если субъект захочет определить чьи-то действия, адекватно поступку Губазов, то он сравнит их. Логическое действие будет в слове **Губазаа**: Губазаа = В (неизвестное лицо). Логическое ударение в структуре пословичных стихов обладает еще значением противопоставления и номинации. Номинативность является вторичным моментом логического ударения.

Аҕсадгьыл — шьамуп. Родина — священна.

В данном случае логическое ударение обладает номинативным значением. Но нужно отметить и тот факт, что, если усилить логическое ударение, обладающее номинативным значением, то получим ударение со значением противопоставления: Аҕсадгьыл — шьамуп / а не что-нибудь другое /. Или же «Асас — асыс». Гость—ягненок (подтекст, а не...). Это говорит о том, что логическое ударение со значением противопоставления бывает сильнее ударения с номинативным значением. Значение противопоставления проявляется тогда, когда ударное слово обозначает действие, противопоставляемое другому действию:

---

136 Абхазские пословицы, 1983, с. 51.
137 Берковская С. М. Стилистические (собственно звуковые) и интонационные характеристики пословиц и поговорок, с. 28.
138 Зап. в селе Джирхуа 24VI.1984 от Чкотуа Д.
139 Там же.

Ацгу хумáруан // аҳәынаҧ ҧсуáн.

В смысле: Кошка играла с мышкой // а мышка издыхала.

Каждое слово, выражающее действие, противоположное другому, несет логическое ударение. Наличие логического ударения в двух синтагмах выражает противопоставление двух идей в каждой из синтагм.

В структуре абхазских пословиц с однородными членами наблюдается несколько акцентуационных разновидностей. Если однородные члены находятся в одной части пословицы, они все будут ударными, а иногда лишь последний из них:

Узхара **афáреи áжәреи** рзыҳәан мацара //
адәы акузаара иаҧсам[140].

Не стоит жить только ради того, чтобы есть и пить.

Рус. пар.: Не хлебом единым жив человек.

Иногда однородные члены могут вообще не получить логического ударения, если в структуре пословичной фразы есть другие слова, несущие более важную смысловую нагрузку:

Ачара **ҧшʒóуп** шәаҳәаралеи куашаралеи //
аҧсра — цәыуарала[141].

Свадьба красива песнями, танцами, а похороны — **плачем**.

В данном случае однородные члены носят перечислительный характер. Логическое ударение несет слово **ҧшʒоуп**.

Эмфатическое ударение. По И. В. Арнольду, это «ударение, которое передает особое желание говорящего выделить те или иные слова как очень важные, эмоционально противопоставить их чему-нибудь, указать на скрытое или специфическое значение, которое они получают в данном контексте, называется эмфазой»[142]. Говоря об эмфатическом ударении, хочется подчеркнуть, что в большинстве случаев «... эмоциональная окраска распространяется не только на одно слово, а на ряд слов или же на все предложение в целом»[143].

Благодаря эмфазису ударение в свою очередь приобретает высокий тон, который указывает на сгущение смысла пословицы под влиянием эмфатического состояния субъекта. В качестве показателей эмфатического состояния слов выступает послоговое проговаривание и удлинение отдельных гласных или согласных. Удлинение гласных связано с положительными эмоциями, вызванными пословичным высказыванием и, соответственно, сложившейся ситуацией, а согласных — с отрицательными: негодованием, раздражением, иронией:

140 Абхазские пословицы, 1983, с. 73.
141 Зап. в Москве 12.III.1983 от Джопуа Т.
142 Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л., 1973, с. 252.
143 Зиндер Л. Р. Общая фонетика. Л., 1960, с. 292.

Аҳкуажә лҽаҧхьа // ҳәаҽыск блыйт[144].

Перед княжной // сгорел поросенок.

Эмфатическое (т. е. подчеркнутое) произнесение каждой фразы придает пословичной речи выразительность, усиливая ее смысловое значение. Нужно обратить внимание и на тот факт, что ситуация вызывает иронию и смех только у слушателя, а носитель негодует. Он выражает свое недовольство, в то время как слушатель, сопоставляя ситуацию с пословицей, улыбается. И в этом немаловажную роль играет эмфаза. Эмфатическая долгота, как и другие элементы интонации, помогает раскрыть подтекст пословицы. «Существует два основных понимания подтекста, которые можно назвать психологическим и лингвистическим»[145]. В психологической трактовке подтекст — это совокупность психических процессов, влияющих на деятельность человека. В лингвистической трактовке подтекст — это совокупность значений высказывания, непосредственно не выраженных словами, но передающихся какими-то другими средствами, т. е. в данном случае интонацией:

Аҳкуажә лҽаҧхьа ҳәаҽыск блыит ҳәа // банацIьалбеит //
абри аилауҭырра иҟаз бымбаʒеи![146]

Ты, как та княгиня, на глазах которой сгорел поросенок заживо, неужели не увидела этой суматохи!

Эмфатическое ударение несут три слова: **аҳкуажә, лҽаҧхьа, ҳәаҽыск**. Оно усиливает удивление, недовольство с оттенком иронии. Перед княгиней **сгорел поросенок** — эмфатически, в силу необходимости, не выделяется, поскольку оно и так выразительно и носит гротескный характер. Естественно, крик поросенка и так пронзителен, и, если представить себе крик горящего поросенка, нельзя не поразиться нелепости сложившейся ситуации (**пронзительно визжа, перед княгиней сгорел поросенок**, а она даже не заметила этого). Сопоставляя пословицу, носитель характеризует ситуацию: «И как ты не заметила той суматохи, что была вокруг тебя».

Гротескное преувеличение образа сложившейся ситуации через пословицу придает ей не только юмористическую окраску, но и сатирическую. «... С первого взгляда гротеск только остроумен и забавен, но он таит большие возможности»[147]. Через гротескное преувеличение перед нами наглядно и образно представляется конечность сложившейся ситуации. «...Гротеск... изображает скрытую связь вещей, делая их внутреннее содержание зримым»[148].

Вариативность линии мелодии носит ситуативный характер,

144 Зап. в Москве 26.IX.1983 от Джонуа Б.
145 Цеплитис Л. К. Указ. раб., с. 156.
146 Зап. в селе Джирхуа 4.VI.1982 от Чкотуа Д.
147 Пинский Л. Е. Реализм эпохи Возрождения. М., 1961, с. 119—120.
148 Недошивин Г. Очерки истории искусства. М., 1974, с. 61—69.

что присуще как для пословиц, так и для поговорок, хотя для последних вариативность мелодии выражена ярче. В них наблюдается внезапный подъем голоса, отсюда и расширенный диапазон, тембр эмоционально-волевой, чаще шутливо-иронический. И то же самое в ритмике. В поговорках ритм выступает как значимый компонент интонации, создавая не только эффект целенаправленности, но и одновременно участвуя в создании эмоционально-волевой направленности фразы. Ритмика в обоих жанрах носит интонационный характер и, в зависимости от ситуации и эмоциональной направленности, может легко варьировать.

Ритмообразующим элементом пословичного стиха является цезура. Она делает паузу, прерывает, задерживает на несколько мгновений ритм, тем самым делит пословичный стих на полустишия — т. е. на минимальные метрические единицы:

Уара иушьуа // Того, кого ты хочешь убить //
анцэа дишьуам[149]. бог пощадит.

Если для силлабической системы стихосложения характерно обязательное ударение перед цезурой, то для стиха тонического (здесь имеется в виду абхазский пословичный стих) наличие ударения не обязательно. Но это не нарушает гармонию ритмических рядов. Ударение заменяет долгая пауза, вследствие чего цезура получает четкое выделение. В этом отношении большую роль играет и перебой в счете слогов, который в свою очередь способствует созданию пауз в структуре пословиц.

В строении абхазского пословичного стиха встречаются два вида цезуры: слабая (в середине стиха) и сильная (в конце стиха).

Слабая цезура рассекает пословичный стих на полустишия. В структуре одностишных пословиц чаще всего бывает только одна цезура, благодаря которой полустишие будет восприниматься как обособленная часть пословичного стиха:

Ауафы ибз // хушэуп[150]. Язык человека // лекарство.
Асас // быжь насыҧк ицуп. Гость приносит семь удач.

Сильная цезура чаще встречается в двустишных пословицах, где она не только разделяет пословичный стих на строки, но и подчеркивает смысловую самостоятельность каждой из них в структуре целого стиха. Это — с одной стороны; с другой — она обозначает переход от одной ритмической единицы к другой, т. е. выступает в роли связующего звена. При этом ударение может меняться в соответствии с задачами тоники абхазского пословичного стиха:

Ан аҧха длабжьон // Мать поучала дочь //
аҧха амҭқуа лыҧхьазон[151]. а дочь (в то время) мух считала.

149 Зап. в селе Члоу 17.VIII.1981 от Джопуа Ш.
150 Абхазское народное поэтическое творчество. Сост.: Салакая Ш. Х. Тбилиси—Сухуми, 1975, с. 42.
151 Бгажба Х. С. Бзыбский диалект Абхазского языка. Тбилиси, 1964, с. 385.

В данном пословичном двустишии цезура создает параллелизм ритмического движения, подчеркивает равнозначность строк в акцентном (т. е. тональном) отношении, которая сопровождается антитетическим параллелизмом в расположении смысловых элементов внутри пословичного стиха.

Очень сильной бывает цезура в двустишных пословицах со структурой формального параллелизма, где обычно умалчивается один член. Чем больше количество недостающих слогов в структуре паремии, тем дольше длится пауза и растет весомость цезуры. Она в таких случаях подчеркивает возможность в структуре пословичного стиха внеметрических каденций, добавления или же усечения размера, т. е. возможность замены слога цезурой:

Ахаҭара Нартаа ирхылҭит // Мужество // порождение нартов //
ашэаргундара // аҩстаацэа[152]. а трусость — от лукавого.

Первая цезура — объединительная, вторая — более значимая. Во второй строке умалчивается слово «ирхылҭит» (порождение). Возникшая пустота заполняется цезурой, которая представляет собой существенный ритмообразующий фактор. Появление цезуры, как наглядно видно из приведенного выше примера, вызвана самим пословичным стихом. Возникнув, она тут же завоевывает относительную самостоятельность, оказывая определенное воздействие на его структуру. И тем самым создает органическое единство всех частей пословичного стиха.

В структуре двустишных абхазских пословиц встречается и синтаксическая цезура:

Аҭызшэа уазымҭаан // О чужой ссоре не спрашивай //
аҧьбжьы уазымзыршын[153]. чужую ругань не подслушивай.

Цезура создала здесь заметные границы между двумя паремическими единицами, которые объединены в одну поэтическую строфу.

В структуре абхазского пословичного трехстишия встречается, и очень часто, тройная цезура:

Имоу / ҟунишьом // Тем, что имеет // довольствуется //
имам рацэеишьом // полагает, что не имеет малости //
аҧшахушэ даҩызоуп[154]. Он, как средство (панацея) от ревматизма.

Две строки обладают средним повышением. Оно обозначено слабой цезурой. В конце второй строки интонация повышается, образуя сильную цезуру. Изменению интонации способствует цель высказывания. Первые две строки служат для характеристики третьей строки, и цезура указывает не на содержательное различие пословичных строк, а на их тождество.

152 Абхазские пословицы, 1967, с. 38.
153 Там же, с. 84.
154 Там же, с. 34.

В зависимости от цели высказывания пословичный стих иногда распадается и на четыре цезуры:

Амшэ / ахаҳэ ақушэан / имбыбит // амҿыху ақушэан / имбыбит // абҕьыц анақушэа // ибыбит.

На медведя / камень упал / не заревел // бревно упало // не заревел // листок упал / заревел.

В данном случае повторы, паузы и цезура создают постепенно нарастающее интонационное напряжение, разрешающееся в последней строке. Оно вызвано еще относительной незаконченностью предшествующих пословичных единиц. Последняя цезура самая сильная, поскольку именно в этой части заключен основной смысл пословицы. С другой стороны, данные пословичные единицы стоят ближе друг к другу, что и создает относительную незавершенность, ослабленность конечных пауз.

Особую выразительность и гармонию несет и композиционное своеобразие пословиц:

Имоу / ҟунишьом //
имам / рацэеишьом //
аҧшахушэ даҽы́зоуп.

Данный пословичный стих состоит из пяти частей. Первые две строки имеют по две части, третья — одну часть. Сила мысли сосредоточена в последней. Строка несет только одно логическое ударение, которое падает на второй слог от конца строки. Благозвучность, стройность, согласованность в сочетании частей целого пословичного стиха вызвана еще внутренней интонационной связью строк между собой, определяющей движение пословичной фразы в целом, развитие эмоции, возникающей, нарастающей и завершающей.

Стоит нарушить интонационный строй пословичного стиха, как тут же нарушается ее симметрия. Ярким примером может послужить перевод ее на другой язык, где пословица, в любом случае, теряет свою былую выразительность. Бенедетто Кроче называет перевод пословиц не эстетическим явлением, считая его «...простым комментарием к оригиналу»[155]. Поддерживая данную теорию, можно подтвердить, что перевод пословичных стихов означает не воспроизведение их целиком, а «... создание подобных им и более или менее близких выражений»[156]. Говоря это, мы исходим из правил закона единства формы и содержания. И если в процессе перевода нарушается та эмоциональная конкретность, которая очень индивидуальна для каждой пословицы, то это лишний раз доказывает, что характер пословичного стиха определяется не столько его ритмом, как таковым, сколько его интонационным строением.

155 Бенедетто Кроче. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. Часть I. Теория. М., 1920, с. 77.

156 Там же, с. 83.

Тональность и цезура в структуре абхазских пословичных стихов показывают процесс перевоплощения формы и содержания, являясь при этом основными факторами раскрытия завуалированной части пословичной действительности. Они не только помогают раскрыть тонкости пословичной речи, но и несут большую эстетическую нагрузку, которая заключается в легкости их восприятия и запоминания. Они, во-первых, создают гармонию формы и содержания; во-вторых, в результате совершенства этой гармонии возникает потребность все чаще и чаще воспроизводить их в качестве вторичной моделирующей системы.

Абхазская пословица в своей структуре использует наиболее гармоничные стороны абхазского языка. Ее звуковая организация, естественно, опирается на фонетическую базу языка. Эвритмия и эвфония не только способствуют благозвучию пословичного стиха, но и несут содержательную функцию, поскольку в структуре данного паремического жанра воплощены закономерности абхазского языка. В строении абхазских пословиц использованы наиболее звучные, ритмически организованные, полновесные словосочетания, создающие ритмическую экспрессию пословичного текста. Вне этой экспрессии пословичный стих теряет свою выразительную значимость. Это говорит о том, что всякий абхазский пословичный стих содержит в себе эти тенденции языка. Каждый пословичный стих имеет свое индивидуальное звучание, он неповторим.

Аллитерация. Важнейшим средством звуковой организации абхазских пословиц является аллитерация. «Семантическая замкнутость фразеологического единства может также создаваться эвфоническими средствами — ритмическими созвучиями, т. е. «аллитерациями»[157].

Под термином аллитерации в абхазском пословичном стихосложении понимается созвучие не только согласных, но и гласных звуков, в то время как у большинства европейских народов чаще всего учитываются только согласные. Это объясняется тем, что у европейских народов аллитерация — прием выразительности художественной речи, а в абхазском пословичном стихосложении — это еще и метрическое средство.

Звуковая организация абхазского пословичного стиха включает: а) повторение звуков; б) повторение слов по месту расположения.

Повтор в структуре абхазских пословиц рассматривается как композиционно-стилистический прием. «Повтор усиливает выразительность художественного слова, передает нарастание или снижение интонации»[158], поскольку «...по происхождению своему связан

157 Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке: Сб. статей и материалов. М., 1947, с. 357.

158 БСЭ, т. 33. М., 1955, с. 3547.

с аффективностью всякого сообщения, имеющего субъективно-оценочную окраску»[159]. С другой стороны, повторы служат композиционному членению и связыванию (смысловому, синтаксическому, фонетическому). Повторение однородных звуковых элементов создают различные виды симметрического звукового построения пословичного стиха. А повторение однородных слов способствует четкому их выделению.

В структуре абхазского пословичного стиха аллитерация встречается в начале, середине и конце стиха.

Начальная аллитерация:

Аҧыр ҧыршәоит **а**мца**ҷ**ы / Сталь испытывают в огне //
а**ҷ**ызара**ҷ** / **а**цәгьара**ҷ**ы[160]. а дружбу / в беде.

В данной двустишной пословице аллитерируются **а** и **ҷ** в начале и в конце стиха.

Амхы змамыз // Тот, у кого не было пашни //
ажәла даҳәоп[161]. выпрашивал семена.

Гласные звуки повторяются в начале первого и второго полустиший. Здесь аллитерация образует начальную рифму и является одним из основных факторов ритмической организации данного стиха.

Смешанная аллитерация:

Ччан **чч**а рацәа // **Ч**ан-м**ча** //
жәын **чч**еиқуатцәа[162]. хучы шьтахь-**ча**[163].

Данные пословичные фразы объединяют в себе два вида аллитерации: начальную аллитерацию согласного звука **н**, и аллитерацию согласных звуков в середине стиха — **чч, чч**; в первом полустишии конечные **а, а**, которые в сочетании с **цә** образуют к тому же еще конечную рифму, во втором — **а, а** в сочетании с **ч** образуют конечную рифму **ча, ча**.

Внутренняя аллитерация:

Алаф **а**қьа**ф** а**т**ахыуп[164]. Юмор требует настроения.

Накопление гласного звука **а** и повтор согласного **ф** придают пословичному стиху ритмичность и благозвучие.

Парная аллитерация гласных и согласных звуков:

Џьабаада **акрызф**ази //
ҳа**т**ырда **акрызу**ызи[165].

159 Жовтис А. Границы свободного стиха. ВЛ. М., 1966, № 5, с. 111.
160 Абхазские пословицы, 1967, с. 25.
161 Зап. в селе Джирхуа 24.VI.1984 от Смыр А.
162 Зап. в Москве 22.IV.1983 от Джопуа Т.
163 Зап. в Сухуми 2.IX.1988 от Когониа В.
164 Зап. в Сухуми 4.X.1988 от Джопуа Т.
165 Зап. в селе Члоу VI. 1981 от Габниа Д.

Конечная аллитерация:

Ианакум // **т**а**ҷ**кум[166]. Несвоевременный тумак.

Повторы слов по месту

Повторяющиеся слова, стоящие в начале каждого пословичного полустишия, называются а н а ф о р о й.

Бжьынтәы ишәаны / зныкихтцәа // Семь раз отмерь / один раз отрежь //
бжьынтәы ихуцны / зныкизба[167]. Семь раз подумай / один раз реши.

Анафора здесь служит тематическому расчленению пословичного стиха на два полустишия.

Эпифора — повторяющиеся слова в конце первого и второго пословичного стиха:

Ацәгьа зуазгьы ихазы // абзиа зуазгьы ихазы[168].
И тот, кто делает зло / делает для себя // и тот, кто делает добро / делает для себя.

Повтор вызван расчленением пословицы на две строки, и для показа смыслового тождества.

Паностроф а — повторяющиеся слова находятся в конце первого и в начале второго полустишия:

Аби ани **рыхшаара** рзы // Отец и мать для своих детей //
ахшаара — рхазы[169]. дети — для себя.

Истинный повтор — повтор первой лексемы:

Абга / абга ак'уеит[170]. Шакал / шакала ловит.

Парное повторение второй лексемы:

Абзиара **уны** / азы иа**т** // Сотвори добро / брось в реку //
ацәгьара **уны** / уцьыба и**т**а**ц**[171]. Сотвори зло / себе оставь.

Многократные повторы:

Бара **б**ҷ**ы**рбаргьы / **бара бзы** // И ты прихорашиваешься / для
сара **с**ҷ**ы**рбаргьы / **бара бзы**[172]. себя //
и я прихорашиваюсь / для тебя.

Смешанные многократные повторы:

Аҷ**ы** б а а ҧ с / **а ж ә а** б а а ҧ с / **т** ы **ц** о и т //
аҷ**ы бзиа а ж ә а бзиа** / **т** ы **ц** о и т[173].
Из плохих уст / плохое слово сходит /
из хороших уст / хорошее слово / сходит.

166 Зап. в селе Бармыш 21.VI.1981 от Дбар С.
167 Там же.
168 Зап. в селе Джирхуа 6.X.1980 от Смыр А.
169 Там же.
170 Зап. в Москве 2.XI.1983 от Смыр Г.
171 Абхазские пословицы, 1967, с. 28.
172 Там же, с. 80.
173 Там же, с. 38.

Двустишная пословица содержит четыре парных аллитерирующихся слова:

аҽы, бааҧс, ажәа, боаҧс, ҭытцуоит,
аҽы, бзиа, ажәа, бзиа, ҭытцуоит.

Они совмещают три вида аллитерации: парную начальную, парную конечную и смешанную.

Трехкратный парный повтор:

Ахәа ҭыҧ ҕьоит //
аҟама ҭыҧ ҕьоит //
абыз ҭыҧ ҕьом[174].

Сабельная рана заживает //
кинжальная рана заживает //
рана, нанесенная языком, не заживает.

Повтор трех начальных слов первого двустишия, повтор конечного слова во втором двустишии:

Ҩыцһа бзаи еибабо / ҕуык **еицыкуҙоит** //
Ҩыцһа бзиа еибабо / бҕьыцк **еицыкуҙоит**[175].
Двое любящих / поместятся на одной доске //
двое любящих поместятся на одном листке.

Повтор однокоренных слов:

Аҽада ааста //
аҽадара еицәоуп[176].

Ослиные поступки // хуже осла.

Агук // игукра иацлоит //
абеиа / ибеиара[177].

Симпатичному / симпатии прибудет // богатому / богатство.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что пословичный стих является «высокоорганизованной экспрессивной поэтической единицей»[178], которая воплощает в себе все возможности языка и речи.

Параллелизм

Параллелизм в структуре абхазских пословиц рассматривается как композиционно-стилевой прием, выполняющий организующую функцию, выступающий в качестве принципа сочетаемости частей, при максимальной экономии средств выражения и подчиняющихся требованиям языка пословицы. К примеру, в структуре абхазских пословиц используются не любые формы сравнения, а те, которые выполняют композиционную функцию:

174 Абхазские пословицы, 1967, с. 38.
175 Зап. в селе Бармыш 8.X.1981 от Дбар С.
176 Зап. в селе Джирхуа 9.X.1981 от Чкотуа Д.
177 Абхазские пословицы, 1967, с. 72.
178 Тимофеев Л. Слово в стихе. М., 1982, с. 105.

Ауафы ҕыҕки //
аҙыс аамҭеи[179].

Ворчливый человек //
что дождливая пора.

В таких и подобных пословицах сравнение имеет одновременно художественную и синтетическую функцию, т. е. является одним из персонажей, поддерживающих параллелизм ее частей — слова в структуре пословицы объединяются так, чтобы более динамично представить содержание всего целого, т. е. параллель способствует созданию синтаксической упорядоченности. А любая упорядоченность «...означает известную симметрию, внутреннюю организованность, последовательность, взаимозависимость»[180].

Таким образом, словесная цепь создает единую и внутренне связанную систему, в которой слиты, наряду с ритмом, лексика, синтаксис, звуковая и интонационная окраска слов пословицы. Слово здесь само по себе не представляет никакой поэтической ценности — «ценность музыки составляет не отдельные звуки, а их сочетание... Ценность всякого искусства не в составных элементах формы, а в завершенной живой форме»[181]. Отсюда, семантическая функция в пословицах принадлежит не только элементам поэтического выражения основного смысла, но и формам их сочетания, и действительность, которая создается при этом, представляет собой структурное единство.

Итак, параллелизм участвует в создании единой стилистической системы языка пословичных выражений. Все элементы пословичного стиха являются смыслонесущими. Входя в состав единой целостной структуры, пословичные элементы связаны сложной системой взаимоотношений, сопоставлений и противопоставлений, невозможных в обычной языковой конструкции. Относительно смысловых связей между словами (имеется в виду при параллелизме). С. М. Верещагин считает возможным выделить три типа таких связей: во-первых, связанными оказываются слова, обладающие семантической близостью (синонимия). Во-вторых, сюда относятся слова, семантически дополняющие друг друга (тематическая лексика). И в-третьих, сюда же принадлежат слова с семантической противоположностью (антонимия)»[182]. Это, что касается чисто семантической структуры пословиц. Пословичные единицы играют большую роль и в создании параллельных конструкций, а в композиционном отношении они способствуют созданию пословичного ритма.

179 Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1964, с. 384.
180 Хлебников П. В. О бинарности отношений в морфологии. В кн.: Вопросы языка и литературы. М., 1964, вып. 4, с. 25.
181 Костас Варналис. Эстетика и критика.. М., 1961, с. 207.
182 Верещагин С. М. Прием параллелизма в псалтыре и выявление смысловых связей между словами первого литературного языка славян. Советское славяноведение. М., 1975, № 2, с. 62.

Что очень важно, поскольку первоначальными факторами композиции любого стиха считаются «ритм и синтаксис»[183].

С точки зрения синтаксиса, пословичное предложение — это не простое предложение. Это есть ритмико-синтаксическое словосочетание. Оно, по словам В. Жирмунского, отличается от просто синтаксического тем, что слова включены в определенную ритмическую единицу (строку), а «от чисто ритмического сочетания оно отличается тем, что слова соединены не только по фонетическому признаку, но и по семантическому»[184]. Пословичная строка создается не просто по законам синтаксиса, а по законам ритмического синтаксиса. Это, в свою очередь, говорит о том, что внутреннее строение компонентов пословичной строки зависит от строения соседней. И еще — связь между пословичными компонентами настолько имплицирована, что в структуре пословичной строки отсутствуют формально связующие средства: союзы, союзные слова, что восполняется их структурной соотнесенностью. Структурное равновесие достигается не только синтаксическим равновесием рядов, но и их семантической равнозначностью, откуда и проистекает взаимообусловленность этих двух явлений. Пословичная мысль членится логически. Логическое членение, в свою очередь, требует определенное расположение частей его языкового материала, а в этом чисто логическом членении «художественный закон проявляется только в обычном требовании простейшей пропорциональности и соответствии частей»[185]. Соотнесение параллельных строк в абхазских пословицах обеспечивает внутреннее и внешнее единство.

Параллелизм может выражаться в самых разных формах. Он «соединяет стихи (в большинстве случаев 2...4, но бывает и до 10)», также «... полустишия, двустишия и т. п.»[186]. Абхазские пословичные стихи чаще всего двустишные, реже — трехстишные, четырехстишные.

В структуре абхазских пословиц встречаются следующие виды параллелизма: параллель сопоставления (сравнения); синонимический параллелизм; антонимический параллелизм; синтаксический параллелизм; психологический параллелизм.

Синонимический параллелизм основывается на отношении эквивалентности. Синтаксической эквивалентности строк соответствует семантическое соответствие, т. е. глубинная эквивалентность.

Абхазские пословицы, как и пословицы других народов, обла-

183 Жирмунский В. Композиция лирических стихотворений. Введение. Петербург, 1927, с. 5.
184 Там же.
185 Метсланг Хелле Аревна. Некоторые синтаксические аспекты стихового параллелизма в эстонской рунической песне. Таллинн, 1978, с. 15.
186 Там же.

дают устойчивостью на морфологическом, синтаксическом и семантическом уровнях, носят постоянный и системный характер, и, в силу своей неизменчивости, образуют внутри себя прочную систему. Во-первых, в обеих строках идет смысловое отражение определенной ситуации. Одна строка выражает действие, близкое по содержанию тому, что заключено во второй строке. А глаголы, выражающие эти действия, обладают одинаковой синтаксической структурой. Можно сделать вывод о существовании одной общей ситуации для данных соответствующих пословичных строк:

Утра ламҭа / ҷьымшь хырҟуҷы // Огород не сажает / а лук уминает/
шьапы мызәзәа / иарҭа лаҧал[187]. не помыв ноги, / в постель ложится.

С одной стороны, каждая строка данного пословичного стиха обозначает одну индивидуальную ситуацию / илалатцазом / ихлырҟуҷуеит — не сажает // а / ест; не моя ноги, / в постель ложится /, но общая ситуация для параллельных строк одна. Это стало возможным благодаря эквивалентности лексического и семантического значения действия. «Эквивалентность лексических значений, как правило, необходимая в параллелизме, поддерживается основательной позиционной эквивалентностью, как в поверхностной, так и в глубинной структурах»[188].

Агу кыдгыламҭа //	Момент отчуждения //
аҧсы хытцымҭа[189].	момент смерти.

Параллель здесь возникла вследствие повторения с вариацией, когда конец первой пословицы получает синонимическое изложение во второй части данного стиха. Сам параллелизм подчеркивает структурную связь двух смежных стихов, благодаря чему выявляется сущность целого.

Параллелизм, основанный на синонимии в структуре абхазских двустишных пословичных фраз, выражает: синонимию в синтаксической структуре; синонимию ситуации. Отсюда и лексическая синонимия.

Перечисленные тождества, в свою очередь, приводят к семантической синонимии строк.

Синтаксический параллелизм аналогий. Здесь на лицо синтаксическая и внутренняя идентичность строк пословичного стиха.

Ауаҩы дырдыруеит / ажәала //	Человека узнают / по его речи //
аҽеада / алымҳала[190].	осла / по ушам.

187 Абхазские пословицы, 1967, с. 15.
188 Метсланг Хелле Аревна. Указ. соч., с. 80.
189 Зап. в селе Джирхуа 18.VI.1984 от Чкотуа Д.
190 Зап. в селе Джирхуа 22.VI.1984 от Габниа С.

Каждая строка содержит:
Первое существительное: (по одному Ауаҩы; по глаголу: Аҽада; дырдыруеит опускается.
Второе существительное: (по одному) Ажәала опускается Алымҳала.
Или же: Аԥстәы ааныркылоит / атәыҩала //
Ауаҩы / ажәала[191].
Животное унимают / за рога //
человека / словом.
Первое существительное: Аԥстәы; глагол: ааныркылоит.
Ауаҩы.
Второе существительное: Атәыҩала; глагол: опускается Ажәала.

Итак, налицо идентичность в структуре обоих стихов, обусловленная наличием одних и тех же частей речи, соответственно и членов предложения. По два дополнения в каждом двустишии при одном сказуемом. Если первая строка являет синтаксическую целостность, вторая — сравнительно короче, в ней отсутствует сказуемое **дырдыруеит** (в первом примере), и **ааныркылоит** (во втором примере).

Во второй строке образуется пустое пространство. «Ничем не заполняется. Но это не мешает структуре второго стиха. Структура остается тем не менее корректной»[192]. Это так называемое — протозевгма, т. е. основная форма построения пословичного стиха помещена в первой строке, а вторая строка приобретает целостность на основе предшествующей строки. Пропуск сказуемого не воспринимается носителем пословичной единицы, его присутствие всегда подразумевается и воспринимается слушателем и носителем. Нет ни функциональной, ни логической прерванности. Сохраняется внутренняя логическая целостность не только стиха, но и каждой строки в отдельности. Присутствие одной строки обусловливает наличие второй, не ущемляя ее самостоятельности. Выпадает более свободный глагол, чья смысловая нагрузка переносится на идентичный глагол из первой строки. По всей вероятности данная форма параллелизма является более позднего происхождения. По Х. Метсланг «древнейшей формой параллелизма был полный параллелизм идентичности»[193].

Весьма распространенной формой параллелизма в структуре абхазских пословичных стихов является параллелизм аналогии.

В структуре параллельных строк происходят следующие изме-

191 Зап. в селе Джирхуа 15.VI. 1984 от Габниа И.
192 Метсланг Хелле Аревна. Указ. соч., с. 80.
193 Там же, с. 82.

нения: выпадение из второй части параллельных строк обобщающего сказуемого и подлежащего.

Это свидетельствует об эволюции параллелизма вообще, т. е. наблюдается постепенное освобождение от более простых композиционных форм; если даже не освобождение, то стремление избегать однозначных ограничений слов первичного языка.

Психологический параллелизм

Аҽы ԥсыр //
адәы атынхоит //
ауаҩы дыԥсыр //
иажәа нхоит[194].

Конь умрет // поле останется //
человек умрет // его слово останется.

Перед нами пример двустишной пословицы. Оба стиха связаны между собой психологическим параллелизмом. Параллелизм строится на соответствии содержания между параллельными конструкциями. Идет сопоставление основного смысла пословичных строк. Последующий пословичный стих представляет собой в смысловом отношении вариацию предыдущего. Тем самым оба стиха образуют сплетающиеся вариации одной и той же темы. В каждой строке подчеркивается основной смысл данного явления путем сопоставления. Здесь внутренняя логическая связь строк, которой отвечает и внешнее сопоставление его частей. Вторая строка служит для реализации смысла первой строки. Стих строится по законам силлабического стихосложения[195], что не часто встречается в структуре абхазских пословиц. Каждый стих распадается на два полустишия благодаря цезуре. Логическое ударение падает в конце каждой строфы и в конце каждого полустишия в каждой строфе, а на предшествующих ударение отсутствует.

Параллелизм антонимии. Антонимические связи — одно из ведущих проявлений системности в пословичном языке абхазов. Как известно, системность означает совокупность отношений между лексемами в плане пословичного содержания. Антонимы играют на лексико-семантическом уровне структурирующую роль. Они как бы объединяют вокруг себя другие пословичные лексические единицы, т. е. способствуют созданию пословичной семантико-синтаксической целостности. В семантическом плане пословичные строки,

194 Зап. в селе Джирхуа 17.VIII.1980 от Чкотуа Д.
195 «Пословица большею частью является в мерном или складном виде: редко правильным метрическим стихом, т. е. со счетом долгих и коротких слогов, потому что такой размер народному языку вообще чужд; еще реже и, кажется, только случайно найдется размер силлабический, то есть простой счет слогов» (Даль В. И. Пословицы русского народа: Сб. Напутное, с. 23). То же самое в данном случае. Это одна единственная пословичная строка, воплощающая в себе силлабический размер.

объединенные антонимической зависимостью, выражают связь с естественной противоположностью соотносимых реалий объективной действительности. Именно соотносимых реалий, поскольку «... с точки зрения употребительности антонимы не допускают взаимозамены. Это говорит о том, что смысловая связь между членами антонимической пары столь же сильна, как и связь между синонимами»[196], «противоположные значения отнюдь не исключают, а скорее предполагают друг друга»[197].

Лаз ицеитцон // Мыч итих'уан[198].

Лаз сажал // Мыч выдергивал.

Психологический подход способствует нахождению каждой пословицы, вызывает ее, поскольку пословичная мысль по своему происхождению есть не только языковое явление, но и логическое. Язык и логика в пословице взаимообусловлены — это две стороны одного явления. Роль лексических единиц в структуре пословичных конструкций огромна. «Лексические единицы могут вызвать и потенциальные синтагматические отношения, иногда не требуя связи с другими словами, а иногда обязательно предполагая их»[199].

Для пословичных единиц характерна первая особенность: каждая из них требует после себя, или же собирает вокруг себя, определенную группу лексических (и не просто лексических, а пословичных) единиц. Синтагматическая связь пословичных строк составляет основную особенность глубинной лексики. Каждая лексическая единица имеет свои семантические возможности. Входящие в состав пословичных конструкций лексические единицы являются обобщенными словами, обладающими логико-грамматическим строением, чем обусловлены глубинно-синтаксические связи пословичных строк. Каждое пословичное слово указывает на конкретный предмет и содержит характеристику определенной системы связей, имеет соответствующие семантико-синтаксические валентности, т. е. требует различные связи с другими словами: каждое пословичное слово обладает свойством сочетаться только с определенной группой слов, то есть одно произнесенное пословичное слово ассоциативно предполагает и воспроизводит целую систему семантико-синтаксических отношений. Понимание пословичного слова включает изменение потенциальных связей данного слова с другими словами, тем самым раскрывая внутренние законы связной, синтаксически организованной пословичной речи.

196 Верещагин Е. М. Прием параллелизма в псалтыре и выявление смысловых связей между словами первого литературного языка славян. Советское славяноведение. М., 1975, № 2, с. 60.
197 Там же.
198 Абхазские пословицы, 1967, с. 13.
199 Лурия Л. Р. Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975, с. 18.

Так, например, в вышеприведенной пословице слово **Лаз** (имя человека) несет обобщенное значение: объединяет группу людей, дела и действия которых часто опровергаются другими людьми. Произнесение его не только предполагает глагол **ицеитцон** (сажал), но создает вторую строку. Здесь налицо логическая операция, вызванная определенной ситуацией. Наличие слова **Лаз** уже само по себе ассоциативно вызывает в памяти всю пословичную конструкцию. Это чисто психологический фактор в структуре пословичного языка. Как ассоциативный момент, явление присуще не только пословичным параллелям с антонимической связью; оно характерно исключительно для всех пословиц. Отсюда, языковая форма может оказывать влияние на процессы хранения в памяти и воспроизведения опосредованным языком информации.

Иногда одно действие, вместо того чтобы поддержать одновременно развивающееся другое событие (поскольку оно в этом нуждается), проходит параллельно с ним, но вне связи с ним. И это вызывает обиду и осуждение в форме данной пословичной конструкции и является пределом проявления определенного качества — невнимательности и безразличия носителя действия № 1 по отношению к действию и состоянию субъекта № 2. Но вместе с тем это — и неразрывная связь двух противоположностей. Если бы не было этой связи, то не было бы и того психологического состояния у субъекта № 2 — обиды и осуждения. Значит, «... противоположные значения отнюдь не исключают, а скорее предполагают друг друга. Но, вместе с тем, будучи связанными, противоположности эти не только предполагают, но и взаимно отрицают друг друга:

Лабеилаҧса уаҩ дашьуеит //

Пословица приведена в утвердительной форме. Но если подойти с семантической точки зрения, то такие пословичные конструкции «...утвердительны сами по себе, по своему собственному содержанию, но не по отношению друг к другу. В глубинной структуре одного из этих предложений содержится семантический элемент отрицания»[200].

Лабеилаҧса уаҩ дашьуеит[201].

Казалось бы, что данная пословичная конструкция утверждает истину: разногласие ни к чему хорошему не приводит. Но семантически она несет в себе элемент отрицания: разногласие = не + согласие. Несогласие — негативное, содержащее отрицание.

Напеилаҧса уаҩ даазоит.

200 Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. М., 1984, с. 12—13.
201 Абхазские пословицы, 1967, с. 14.

Вторая строка приведенной пословицы выступает в форме утвердительного предложения. Но и здесь опять-таки есть элемент отрицания. **Даазоит** — воспитывает, в значении «помогает». Помогает — значит не убивает, а спасает, т. е. мы возвращаемся к первоначальному значению — помогает: помогает=не+убивает. Следовательно, во второй строке антоним носит положительный смысл. Если в первой строке содержится элемент негатива — отрицание, то во второй строке содержится элемент отрицания, который отрицает возможность проявления в себе самом того свойства-негатива, что есть в структуре первой строки. Смысл же первой строки выражает обратное. Отсюда, каждая противоположность содержит в себе свою собственную противоположность. В данных пословичных конструкциях каждая строка внутри себя содержит свою противоположность, которая способствует внешнему, знаковому проявлению этой противоположности в структуре второй строки. Отсюда, антонимы в структуре абхазских пословиц не только взаимоисключают друг друга, но и взаимообусловливают, что в свою очередь способствует объединению их в параллельные конструкции.

В структурном отношении антонимические параллели обозначают направленность, а антонимы, обычно однокоренные и соразмерные:

Лаз итеитцон //
Мыч итих'уан.

Антонимы, выражающие противоположные действия, являются однокоренными: итеитцон // итихуан — корень ца. Встречаются антонимы, выражающие направленность, и разнокоренные:

Ан аԥха длабжьон // аԥха амтқуа лыԥхьазон[202].
Мать поучала дочь // а дочь (в это время) мух считала.

Ала шуеит // аҽы ҳэуеит[203].
Собака лает // Конь пасется.

Противоположные действия показывают глаголы **длабжьон, лыԥхьазон.** Действие направлено на определенную цель, но не достигает ее, поскольку объект не обращает внимания на направленное на него действие (нет точки соприкосновения).

Встречаются и антонимические параллели, выражающие противоположные действия одного и того же субъекта:

Абзауаҩ дахушәтәуеит // абзауаҩ дахууеит[204].
Язык лечит человека // язык ранит человека.

202 Абхазские пословицы, 1967, с. 34.
203 Зап. в селе Хуап 19.V.1984 от Анкуаб Н.
204 Зап. в селе Блабырхуа 20.VI.1984 от Дбар С.

Дахууеит // дахушәтәуеит выражают противоположные, противоречащие действия одного и того же субъекта — языка. Он может и поранить, и вылечить. Это есть «... знак раздвоенного на противоположности единства и указ на непрерывную связь противоположностей. Действительных противоположностей не бывает вне единства и взаимопроникновения»[205].

Сравнительный параллелизм

Сравнение (аицырԥшра) «имеет особенно важное значение для непосредственного воздействия на чувство»[206]. В отличие от эпитета, в сравнении «наименование признака сопровождается сопоставлением характеризуемого с предметом или явлением, обладающим в полной мере данным признаком»[207]. В структуре абхазских пословиц сравнение бывает по внешнему признаку, виду, движению, состоянию.

По внешнему признаку:

Ажәатқьареи // ахытқьареи[208].
Выпаленное слово // что неожиданный выстрел.

Агулеи / агуи[209].
Сосед // сердце.

Сравнение по внешнему признаку:

Ауаҩы ласи // аԥша ласи[210].
Легкомысленный человек // что ветер (не управляемый).

Через сопоставление с явлениями природы дается характеристика человека. Сравнения бывают полные и неполные. Данное сравнение является полным. Здесь имеется предмет (ауаҩы) — то, что сравнивается (абх. аҽырԥштәы); образ (аԥша) — то, с чем сравнивается (абх. изҿдырԥшуа); признак (аласра) — то, на основании чего сравнивается одно с другим; и связующий аффикс (абх. аидҳәалагатә): и.

В структуре абхазских пословиц встречаются и сложные сравнения. Сложное сравнение состоит из двух самостоятельных предложений:

Ахьаца ф-асуам // хьзы цәырҭа илахом[211].
В граб молния не ударит // слово не заваляется в постели.

205 Философский энциклопедический словарь. М., 1983, с. 184.
206 Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение. Курс лекций. Л., 1959, с. 208.
207 Там же.
208 Инал-ипа Ш. Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, 1954, с. 57.
209 Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1964, с. 880.
210 Там же, с. 32.
211 Зап. в Москве 5.XI.1983 от Дбар С.

Каждый предмет и образ состоят из самостоятельных предложений, которые вместе образуют сложное предложение. В переводе наблюдается нарушение порядка слов, но оно вызвано стилевыми особенностями пословичных единиц. Не только в переводе, но и в оригинале подлежащее стоит на втором месте, поскольку порядок слов в пословичных предложениях связан со смысловой значимостью его элементов.

Во многих случаях через сравнение уравниваются явления совершенно различных величин:

Аԥҳәыс лмаана // зқьы акы маана[212]. — Лукавство женщины // = тысяча одно лукавств.

Хитрость, лукавство одной женщины получает количественную мерку — приравнивается 1001 лукавству, т. е. дается гиперболическое сравнение.

Характер конструкции пословицы влияет на смысловое наполнение стержневых слов (аԥҳәыс лмаана), а выраженная второй параллелью количественная оценка содержания сгущает краски подчеркнутой сущности в характере женщины — **хитрости.**

Не часто, но все же сравнение осуществляется с помощью предлогов: еиҳа, еицәа, ааста, ацкыс:

Амч **ацкыс** // ахшыҩ аиааиуеит[213]. — Ум // побеждает силу.
Абла **еиҳа** // ахшыҩ хара иабоит[214]. — Ум // зорче глаз.

Иногда идет количественный анализ степени содействия негативных явлений на социальные явления. Сила негатива выражена сравнением в превосходной степени:

Цәа баак // **шә-цәак** арбаауеит[215].
Одно гнилое яблоко // сто яблок портит.
Цәгьарак // **шә**-бзиарак арҙуоит[216].
Один дурной поступок // сто добрых портит.

Итак, характер абхазских пословиц с конструкцией сравнительного параллелизма определенным образом влияет на смысловое наполнение стержневых слов, а выраженная последними количественная (или качественная) оценка делается более очевидной. Из приведенных выше примеров можно заключить, что пословичные параллели, основанные на сравнении, в подавляющем большинстве однотипны: одна часть содержит указание на что-либо малое (т. е. внешне незначительное), а другая часть — на внешне значительное, но менее существенное и всегда подчиняется внешне незначительному. Сравнение, которое выражает себя в превосход-

212 Абхазские пословицы, 1967, с. 81.
213 Там же, с. 17.
214 Там же, с. 18.
215 Там же, с. 28.
216 Зап. в селе Джирхуа 16.VI.1983 от Шамба М.

ной степени, является условием реализации переносных значений. Данное переносное значение в контексте самой пословицы может и подразумеваться, и получить эксплицитное выражение. Можно выделить два приема эксплицированных переносных значений терминов:

а) путем сопоставления термина количественно-определительными словами;
б) путем противопоставления термина с термином.

В качестве количественно-определительных слов в абхазских пословичных параллелях употребляется существительное: **зегьы, акы**—цәак (одно, яблоко); или же сопоставляется существительное с существительным: **ауаҩы** (человек) — **аԥша** (ветер); агула (сосед) — агу (сердце) и т. д. Имеет место и семантическая специализация этих слов: числительные **один, два** всегда выступают как показатели малых величин. Но самое интересное — эти малые величины всегда преобладают в эмоционально-семантической акцентации пословицы над большим, подчиняя себе показателей этих величин, что заметно и в семантической структуре самого пословичного выражения. Здесь идет процесс не противопоставления, а сопоставления. Но не всегда сопоставление происходит с помощью количественно-определительных слов; на помощь приходит способ имплицитного выражения основного смысла. Смысл подразумевается или подсказывается речевой ситуацией. Числительное **один** чаще всего выражается показателем единичной формы — аффиксом **к:**

Цәгьарак // шә-бзиарак арҙуоит.

Иногда в структуре абхазских пословиц встречаются равнозначные количественные показатели:

Аҙә **ибзиара** // **шә-ҩык** ирызхоит //
аҙә **ицәгьара** // шә-ҩык бжьнахуеит[217].
Добро одного // хватает на сто человек //
а поступок одного // порочит сто человек.

Здесь мы видим, как в каждой параллели показатель малой величины подчиняет себе показатель большой величины. Обе параллели равнозначны в количественном соотношении. Различие в качественном результате действий: полустишие первой параллели, влияя на вторую свою половину, вызывает положительный результат, а полустишие второй параллели отрицательно влияет на свою вторую половину и получает отрицательный результат.

Сами по себе количественно-определительные слова не являются актуализаторами переносимых значений терминов. Слова **один, три, семь, сто** акцентируются общим характером контекста. Но, не будучи актуализаторами переносных значений, количест-

217 Зап. в селе Джирхуа 6.VI.1983 от Габниа С.

венно-определительные слова тем не менее играют важную роль в формировании смыслового содержания пословиц. И сила воздействия пословиц была бы намного ослаблена, если бы в них не содержались элементы **один, сто** и т. д. Можно проделать и такой эксперимент: сравним широко известную абхазскую пословицу: «Цəа-баак // шə-цəак арбаауеит / одно гнилое яблоко портит сто яблок (хороших)/», с ее трансформом, созданным искусственно только для данного эксперимента: «От одного яблока // гниет яблоко». Как видим, последнее выражение сохраняет смысл пословицы только в самом общем смысле, но идея (малая величина в силу своего воздействия может испортить, т. е. видоизменить большую величину) не получает никакого выражения и может быть вообще утрачена; т. е. пословица как таковая не состоится. Здесь необходимо указать на метафоричность сравнения: человеческое сознание образно усваивает явления окружающего мира, привнося в них свое содержание и заново воспринимает их в плане соответствия:

Абгахучы цыхуа бабеи // апап ҧатца рагуеи[218]. — Пышнохвостая лисица // /что/ пышнобородый поп.

Параллель вызвана внешней ассоциацией, но здесь наблюдается метафоризация. В результате основное содержание оказалось имплицированным. Здесь параллель не только синтаксическая, но и семантическая. «Абгахучы цыхуа баба» — пышнохвостая лисичка — так в быту называют хитрых людей. Хитрая лисичка — в данном случае метафора.

Итак, параллелизм в структуре абхазских пословиц используется как композиционно-стилевой прием, который создает внутреннее и внешнее единство пословичных строк.

Суммируя все вышеизложенное, приходим к выводу: абхазские паремии представляют собой стих, т. е. обладают своей собственной стиховой микросистемой. У них свой темп, своя система интонирования, определяя собой тип, особый стиль речи. В структуре обоих жанров использованы все художественные возможности абхазского языка. Эти выразительные средства «...взаимно обуславливают друг друга, благодаря взаимосвязи и взаимопроникновению они составляют не просто арифметическую сумму, а систему»[219]. Словесная пословичная цепь создает единую и внутренне связанную систему, в которой слиты, наряду с ритмом, и лексика, и синтаксис, и звуковая, и интонационная окраска слов.

---

218 Зап. в Москве 22.IX.1984 от Джонуа Б.

219 Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961, с. 393.

КОНГИТИВНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕДАЧИ ПАРЕМИИ В КОНТЕКСТЕ РЕЧИ В ОПРЕДЕЛЕННЫХ СИТУАТИВНЫХ УСЛОВИЯХ

Процессы речевого мышления индивидуума тесно сопряжены с его психо-эмоциональной ориентацией. Это не может не оказывать воздействие на сам речевой процесс. Нас интересует не проблема вообще, а только некоторые ее аспекты: пословично-речевое мышление субъекта, обусловленное теми или иными ситуациями. Ввиду слабой изученности выдвинутого вопроса наши изыскания, осуществляемые на абхазском материале, носят только экспериментальный характер.

Сам процесс мышления в работах Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурия[220] рассматривается как деятельность, что дает возможность «представить мышление не только как продукт объективной деятельности, но скорее как продукт человеческого отношения к этой действительности, так как отношение человека к объективной действительности реализуется как деятельность»[221]. Отсюда, мышление совершается как во внутренней, так и во внешней форме[222].

Внутреннее мышление имеет свой внешний знак. Пословица есть результат логических операций, значит, и она обладает своей мыслительной деятельностью. И эта специфическая речевая деятельность породила пословицу как знак определеных ситуаций — т. е. определенной человеческой деятельности, человеческого мышления. С помощью знаков происходит объективное фиксирование содержания пословичного стиха. Именно семиотичность обеспечивает самостоятельное ее существование и возможность периодического воспроизведения.

Итак, процесс передачи и возникновения пословичного материала происходит в виде знаков. Поэтому содержание пословичного материала, представленного в виде знаков, можно назвать

---

220 Выготский Л. С. Мышление и речь. М.—Л., 1934; Он же. Мышление и речь. В кн.: Избранные психологические исследования. М., 1956; Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975; Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека. М., 1969.

221 Исследование речевого мышления в психолингвистике. М.; Наука, 1985, с. 19.

222 Леонтьев А. Н. Деятельность и сознание. Вопросы философии, 1972, № 12, с. 34.

семантикой этих знаков. «Вся духовная культура передается с помощью знаков и создается в знаковой форме»[223]. О роли знаковости интересное высказывание находим у Гердера: соединение идей и знака, — по его словам, — «составляет одну из основ и культуры, и всего социального бытия»[224].

Пословичные знаки создаются для отражения определенных мыслей, взаимоотношений, т. е. для передачи результата мыслительной деятельности и воплощения результатов отражения в форме, удобной для передачи, хранения ее содержания и для его дальнейшего воспроизведения , т. е. объект, который отражается в пословицах , охвачен мыслительным и речевым процессом.

Пословица — знак, а «...знаковое отношение есть отношение значения, и оно есть отношение знака (т. е. его знака, внутреннее его свойство) к внешнему «нечто», которое подлежит определению для того, чтобы выяснить значение данного языка ...говоря же о значении того или иного определенного знака, мы указываем на внешнюю связь этого знака с его обозначаемым»[225]. Между пословичным знаком и его обозначаемым (т. е. его содержанием) существует объективная связь. «Речь идет о реальной связи вещей — вещи-знака и вещи-обозначаемого»[226]. Значение пословичного знака — это «не самостоятельная сущность, а модель, модель денотата лингвистической формы и модель явления мысли»[227].

Пословица не только знак определенных мыслей, но и ситуации. Последняя осуществляется через связь с речью, которая рассматривается как эмоционально-психологическое явление. Процесс реализации пословичных стихов есть психологическая деятельность. Она имеет три стороны: а) мотивационную; б) целевую; в) исполнительную[228]. Как всякая деятельность, пословичная деятельность начинается с мотива и завершается результатом — удовлетворением эмоционально-психологической потребности (высказыванием). Путь к этой деятельности до выдачи ее в форме пословицы идет «...от мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредованию ее во внутреннем слове, затем в значениях внешних слов, наконец, в словах»[229].

Реализация пословичных стихов в контексте речи является малоизученной областью в фольклоре. Неизученность контекста

223 Рейзема Я. В. Информационный анализ социальных процессов. М., 1982, с. 14.
224 Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977, с. 156.
225 Павлов В. М. Языковая способность человека как объект лингвистической науки. В кн.: Теория речевой деятельности. М., 1968, с. 45.
226 Там же, с. 47.
227 Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности. М., 1965, с. 41.
228 Он же. Проблемы развития психики. 2-е изд. М., 1965.
229 Выготский Л. С. Мышление и речь. В кн.: Избранные психологические исследования. М., 1956, с. 380—381.

пословиц и поговорок объясняется тем, что многие ученые отрицают наличие у пословиц и поговорок собственного контекста. В связи с этим обратимся к высказыванию Н. Н. Амосовой о том, что пословицы, по сути это «притчи-миниатюры» и являются «автономными, самоисчерпывающими и по структуре и по содержанию предложениями»[230], следовательно, в контексте не нуждаются. А. М. Тагиев, наоборот, считает, что пословицы не имеют собственного окружения, т. е. собственных структурных связей с определенными лексико-грамматическими элементами. И делает вывод, что устойчивые единицы (пословицы) никак не являются единицами языка[231]. Действительно, пословицы уже в контексте речи выступают с закрепленным значением, и менее всего зависимы от контекста. Но дело не в том, что пословица нуждается или не нуждается в контексте, и не в том, что в контексте речи происходит, как принято говорить в паремиологии и лингвистике, конкретная актуализация пословичных стихов, а в том, что между пословицей и языком, с одной стороны, и между пословицей и речью, с другой, существует сложная, взаимообусловливающая связь. Существует и третий фактор, который является базой, первоосновой и языка, и пословицы: это — мышление, т. е. психологический фактор (как уже было сказано выше). Язык является значимой материальной оболочкой пословицы, благодаря чему пословица приобретает свойство симеозиса. А речь, в свою очередь, выявляет семиотические особенности пословицы. Вне речи пословица, хотя и существует, но требует периодической реализации. Речь есть форма ее существования. Здесь идет не просто конкретизация ее основного смысла и закрепление ее внутри определенной ситуации, а возникает ситуативная необходимость. Большинство пословиц являются порождением ситуации, логической интерпретацией ситуации. Отсюда, пословица является знаком ситуации, что и позволяет высказать мысль о существовании логической связи между ними, которая, в свою очередь, создает условия для дальнейшего ассоциативного наложения пословичного высказывания на определенные, т. е. аналогичные ситуации. Тут и развертывается метафорическая игра отношений, утвержденных в повседневном общении и закрепленных пословицей, и аналогичного отношения внутри только что сложившейся ситуации. И задача данного исследования заключается в выяснении особенностей взаимоотношений между пословицей и пословичной ситуации и роли психологических факторов как средства создания этих взаимоотношений. Если бы речь не воплощала их в себе и не воспроизводила через себя, пословица давно превратилась бы в значимую, но мертвую величину.

230 Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л., 1963, с. 144.
231 Тагиев М. Т. Русские пословицы и поговорки и их соответствия в азербайджанском языке. Русский язык в нерусской школе, 1959, № 4, с. 32.

Введение пословичного стиха в контекст речи является особым психологическим моментом действия, в процессе которго «... сознание осуществляет желание, давая толчок (импульс) к ... действиям»[232]. При этом чувство как психологический фактор выступает в качестве мотива привлечения пословичных стихов в контекст речи. Здесь не просто одно чувство, а синкритизм чувств: интеллектуального, нравственного и эстетического.

Чувство является реакцией на пословичную ситуацию. А процесс реакции есть эмоциональное переживание чувства, вызванного сложившейся ситуацией. По В. В. Бассину, переживание, которое включает психологические процессы, сопутствующие не столько переработке пословичной информации, сколько созданию определенного убеждения, связанного с моральной ответственностью, с перспективами изменения взглядов, мнений, очень важных для субъекта — есть значащее переживание»[233].

Именно эти «значащие переживания» побуждают носителя пословичных единиц к воспроизведению сответствующих высказываний, т. е. они и представляют собой мотив пословичного действия. «Мотив — эмоционально переживаемый элемент образа, побуждающий, поскольку он эмоциональный, и направляющий, поскольку элемент образа»[234]. Мотив вызывает у субъекта определенное желание, а для субъекта желание есть «... не что иное, как самое стремление действовать»[235], стремление охарактеризовать посредством пословицы ситуацию, поэтому большая часть абхазских пословиц ситуативно обусловлена.

Итак, для реализации пословичных единиц в контексте речи нужны:

а) субъект — лицо, носитель пословичных единиц;

б) ситуация, выражающая отношение, аналогичное отношению, содержащемуся в структуре пословичных единиц;

в) мотив и желание субъекта;

г) соответствующее психологическое состояние, способствующее побуждению желания, т. е. эмоция;

д) внутренняя речь (повторение пословицы про себя);

е) язык для формулирования мысли;

ж) слово, пословичное предложение.

Первый уровень процесса пословичного воспроизведения — мотивационно-побуждающий. Это тот уровень, где потребность находит «свою определенность» в предмете деятельности.

232 Гроот Н. Я. Значение чувства в познании и деятельности человека. М., 1889, с. 9.

233 Бассин Ф. В. «Значащие» переживания и проблема собственно-психологической закономерности. Вопросы психологии, 1979, № 3, с. 105—142.

234 Вилюнас В. К. Психология эмоциональных явлений. М., 1976, с. 111.

235 Спиноза Б. Этика. В кн.: Избранные произведения. Т. I. М., 1957, с. 570.

«От мотива, стоящего у истоков высказывания, зависит выбор из всех возможных связей, стоящих за словом, только тех, которые соответствуют данному мотиву и придают этому высказыванию совершенно определенный субъективный (аффективный) смысл»[236]. То же самое можно сказать и о пословичном мотиве, поскольку от мотива зависит выбор из целой серии пословичных единиц той или иной пословицы в зависимости от сложившейся ситуации — мотив «... приводит в движение и управляет течением мысли»[237]. «Всякая мысль, — пишет Л. С. Выготский, — стремится соединить что-то с чем-то, имеет движение, течение... одним словом, выполняет какую-то функцию, работу, решает какую-то задачу»[238]. Задачей мотивационного этапа является целеполагание. Носитель пословичного стиха, получив определенный пословичный мотив, ставит перед собой конкретную цель: воспроизведя ту или иную пословицу, вызвать в объекте определенные эмоции и желание стать лучше, быть более внимательным, делать не так, а наоборот, и т. д. Этому способствует «осознание ближайшего результата»[239].

Все это, естественно, происходит в пословичной ситуации, которая «... обозначает не только предметные отношения, как они представляются говорящему, но и информативность собеседников, и позицию говорящего»[240]. «Ситуация есть отрезок, часть отражаемой в языке действительности»[241].

Различаем следующие ситуативные возможности:

Ситуация «а» — объективная реальность. Это то, что окружает человека: сама жизнь, люди, явления действительности, взаимоотношения людей, отношение людей к окружающей их жизни.

Ситуация «б» — эмоционально-психологическое состояние человека под влиянием того или иного фактора объективной реальности. Через ситуацию «б» носитель пословичных единиц в определенном эмоционально-психологическом состоянии выражает свое отношение к первой сложившейся ситуации. А в качестве средства передачи эмоционально-психологического состояния говорящего берется пословица.

Чем вызвано эмоционально-психологическое (пословичное) состояние? Человек живет среди людей. С течением времени у него складывается этический комплекс, обусловливающий определенный стереотип в отношении к людям, их действиям, поступкам, к явле-

236 Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975, с. 28.

237 Исследование речевого мышления в психолингвистике. М.; Наука, 1985, с. 103.

238 Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М., 1956, с. 376.

239 Леонтьев А. Н. Общие понятия о деятельности. В кн.: Основы теории речевой деятельности. М., 1974, с. 14.

240 Гак В. Г. Высказывание и ситуации. В кн.: Проблемы структурной лингвистики. М., 1972, с. 358—359.

241 Там же, с. 359.

ниям действительности. Этот стереотип служит мерилом его нравственных убеждений. И когда он нарушается, у него возникает чувство «протеста, возмущения, порицания, ненависти, смеха»[242]. Внутренний протест личности передается посредством пословиц, порожденных и воспроизведенных отрицательными эмоциями. Итак, мотивом пословичных эмоций служит нарушение уже сложившегося стереотипа взгляда на поведение, на поступок в отношении к чему-либо, к кому-либо. Это есть, с другой стороны, «качественная оценка характера внешних воздействий»[243]. Нарушение стереотипа выступает и как раздражитель. Носитель пословичного стиха эмоционально протестует против определенных явлений. Протест вызван переживанием, поскольку в «эмоциях физическое и психологическое выступают как две стороны единой нервной деятельности»[244]. В них отражение внешнего воздействия «осуществляется одновременно и как субъективный процесс (переживание в сознании), и как ряд физиологических механизмов в регуляции функционального состояния организма (физиологическое проявление эмоций)»[245].

Пословичное переживание — это «... форма существования психического в индивидуальном сознании»[246]. Пословичные переживания вызываются разными причинами. А различие между переживаниями возникает благодаря их отражательному характеру. Внутренняя природа пословичного переживания определяется особенностями сложившейся ситуации, отношением к ней человека, ее значимостью. И через данное переживание человек проявляет свое неразрывное единство с окружающей действительностью. Здесь проявляется не только связь человека с действительностью, но и сущность данного явления. А через свое отношение к нему носитель пословичных единиц проявляет себя и свой внутренний мир. Происходит, если можно так сказать, самоопределение, самовыражение через явление действительности.

Перейдем к непосредственной характеристике процесса реализации пословичных единиц в контексте речи и показу связанных с ним эмоционально-психологических процессов.

Пословичная ситуация № 1

Эмоционально-психологические моменты, связанные с процессом реализации пословичных единиц, выражают действие, происходящее на глазах у носителя пословицы:

---

242 Шингаров Г. Х. Эмоции и чувства как форма отражения действительности. М., 1971, с. 162.
243 Там же, с. 38.
244 Там же, с. 73.
245 Там же.
246 Там же, с. 80.

Анцәа хрыцҳашьа, акамбашь ахул абон, аанда абомызт ҳәа, лыкуша-мыкуша иҟаз ауаа егьи ҳәа азә дылбо, ак лаҳауа дыҟазма, деиханы ашәахь акун дахьцоз[247].

Она рвалась к двери, не слыша, не замечая никого и ничего, словно скотина, которая рвалась в огород (поле), не замечая ограды.

Пословица была записана в процессе вторичного познания недавно сложившейся ситуации, т. е. со слов очевидца. Но пословичная характеристика ситуации происходит и в момент самой ситуации, и в кругу друзей как воспоминания непосредственного свидетеля. Поэтому внутри пословицы можно выделить две ситуации.

Первая ситуация — есть непосредственно пословичная ситуация, которая выражает действие, поступок «**А**», воспринятый неким «**В**» как безнравственный, и им же дана отрицательная оценка во внутреннем монологе. Следовательно, параллельно с ситуацией идет и ее оценка. Основными социально-психологическими моментами реализации пословичного стиха являются:

1) совершение поступка: возникает определенная ситуация;

2) носитель ситуации нарушил этикет: проявил невнимательность (идет к своей цели, не соблюдая элементарных правил поведения);

3) это и вызывает у **В** негодования, возмущение. Основной мотив — нарушение правил этикета. Мораль **А**/**В**. Отрицательный поступок вызвал соответствующую эмоцию и оценку. Оценку содержит пословица «Акамбашь ахул абон // аанд абомызт»;

4) свидетель ситуации **В**, он и носитель пословицы, свои эмоции выражает имплицитно, про себя;

5) действие **В** и сама пословица носят пассивный характер, поскольку идет лишь внутренний протест, который не получает внешнего проявления. И соответственно, пословица не выполняет своей поучительной функции, и носитель ситуации его не слышит и не проявляет ответной реакции.

Вторая ситуация — коннотация давно свершившегося поступка, т. е. нет той непосредственной пословичной ситуации, которая ее породила, а есть воспоминание о ней и ее устное воспроизведение; связанная с ней эмоция — удивление (как можно так поступать?); эмоция выражается эксплицитно как результат субъективного психологического состояния.

В первой ситуации участвуют: **А** — лицо, совершившее поступок; носитель пословицы **В** — лицо, осуждающее поступок; оценка или суждения — пословица.

Непосредственными участниками второй ситуации являются:

---

247 Зап. в Москве 24.X.1984 от Джопуа Т.

1) носитель пословицы (он же осуждающий);
2) пословица;
3) носитель ситуации (имплицитно). Им самим вызвана вторая ситуация в форме воспоминания.

Итак, вторая ситуация и вторичное воспроизведение пословичного стиха вызваны воспоминанием носителя ситуации и его эмоционально-психологическим состоянием. Реализация данной пословичной строки ситуативно обусловлена. Пословица несет оценочную функцию. При этом хочется еще указать и на особенность пословицы как паремической единицы. Она входит в речь со своей устойчивой структурой, доказывая, с одной стороны, свое назначение (охарактеризовать, осудить, показать взаимоотношение), с другой стороны, свою особенность как знака ситуации, свою ситуативную обусловленность.

Пословичная ситуация № 2

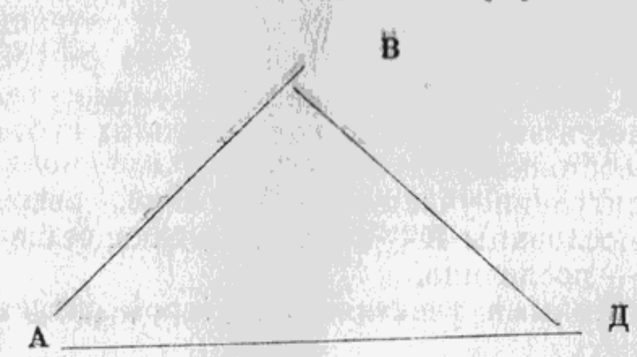
Сама пословица: Аеада ааста аеадара еицэоуп.
Ишачество хуже, чем сам ишак.

Пословица в контексте речи:

Аеада ааста аеадара еицэоуп зырхэо абри азами бара, Сима[248].
Вот почему, Сима, говорят, что ишачество хуже, чем сам ишак.

Пословица вызвана фактом реальной действительности и выступает в качестве ее оценки.

Существует ситуация (действие происходит вне субъекта). Носителем пословичного стиха и свидетелем является он сам. В автобусе молодая девушка наступает на ногу пожилой женщине. Женщина морщится от боли, но молчит, а девушка, не извинившись, спокойно продолжает беседовать с подругой. Данная ситуация у пассажира **Д** вызывает негодование. Он возмущен поступком и, характеризуя его, произносит, обращаясь к рядом сидящей подруге, пословицу. Здесь пословица выступает в форме диалога. На основе ситуации возник психологический треугольник:

248 Зап. в Москве 5.IX.1983 от Джопуа Т.

А — ситуация; **В** — виновник ситуации; **С** — пострадавший; **Д** — носитель пословицы. Объединяющим центром является **А**.

Если у **С** данная ситуация вызвала физическую боль, то у **Д** она вызвала нравственную боль. Складываются определенные отношения: 1) пострадавшего с виновным; 2) носителя пословичного стиха с виновным; 3) носителя пословичного стиха с пострадавшим.

В первом случае **В** причиняет боль **С**. Больно, но **С** молчит. Во втором случае **Д** негодует на **В**, на его невоспитанность, нечуткость (хотя бы извинилась...) и жалеет **С**. Поступок **В** воспринимается **Д** как отрицательный. Но пословица произносится вне **В** (самого носителя ситуации, т. е. виновника) и поэтому носит пассивный характер. Осуждает, но не поучает. И эмоция носителя пословичного стиха не направляется на виновника, на носителя и создателя мотива, а возвращается к ее носителю **Д** и тот удовлетворяется тем, что делится с рядом находящимся человеком. Поделившись с ним, он выражает свою эмоцию. Тут идет не прямое изложение своего негодования, а косвенное, т. е. частичное. Отсюда, и пословица не достигает своей непосредственной задачи: объяснить **В**, что так нельзя поступать, нужно быть более внимательной и т. д. Но одну задачу пословица все же выполнила: эмоционально воспроизведя пословицу, **Д** дает оценку поступку **В**. Вместе с тем, воспроизведение пословицы есть выражение отношения носителя пословичного стиха к носителю ситуации. «Эмоциональные оценки содержат в себе еще некоторую специфическую реакцию субъекта на оцениваемый факт...»[249].

Схема пословичной ситуации № 2:

1) СУБЪЕКТ ——→ ОБЪЕКТ ——→ $СУБЪЕКТ_2$
2) СУБЪЕКТ создает ситуацию СИТУАЦИЯ ——→ МОТИВ
3) МОТИВ ——→ $СУБЪЕКТ_2$ ——→ $СУБЪЕКТ_2$
4) ПОСЛОВИЦА ——→ ПОСЛОВИЦУ

Пословичная ситуация № 3

Сама пословица вне контекста речи:
Аб иҧ иара деиҧшхоит. Сын стал похож на своего отца.
Пословица в контексте речи:

Аб иҧа иара диеиҧшхоит ҳәа, баша ирымҳәозаап, Гудиса рыцҳа, баша-маша, хатцазма. Аа, абар, иҧагьы атцара дыу итцеит. Аб рыцҳа абри ибар, иара изы ирызҟы дыумзи[250].

249 Вильюнас В. К. Указ. раб., с. 49.
250 Зап. в селе Джирхуа 6.VI.1983 от Шамба М.

В данном случае идет характеристика некоего **А**. Именно он стал причиной, т. е. непроизвольным носителем ситуации. Самое интересное — он является не непосредственным участником, а косвенным. Его действия (выучился, стал уважаемым человеком) находятся вне данной ситуации. Но носитель пословичного стиха знает все о нем, и это помогает ему создать данную пословичную ситуацию. При этом сам он становится носителем и пословицы, и ситуации.

Обозначим носителя ситуации и пословицы через **В**.

Схема пословичной ситуации № 3

В контексте речи:
1) А ——————→ С (ситуация).
2) В ——————→ к ПОСЛОВИЦЕ и СИТУАЦИИ ——————→ А.

Носитель пословичной ситуации оценивает не только одного **А**, но и его отца. Он оценивает, т. е. характеризует, сына через характеристику отца. А через характеристику сына мы узнаем и о достоинствах отца: «был не простым мужчиной».

Схема пословичной ситуации № 3

Вне контекста речи:
В ——————→ А через **С** (отец А).

Основные эмоционально-психологические моменты ситуации:
а) восхищение неким **А**;
б) жалость к **С** (за то, что он не видит всего этого).

А сама пословица служит в качестве характеристики самого некоего **А** и его отца **С**, и явления, т. е. отношения, сложившегося между ними: «сын стал похож» на отца. Данная пословичная ситуация и этим отличается от предыдущих ситуаций. Тут одной пословицей дается серия характеристик: некоего **А**; его отца; отношения между ними и одобрение их. И если в предыдущих ситуациях речь шла об отрицательных эмоциях и давалась негативная оценка явлениям, то в данной ситуации пословица вызвана положительными эмоциями и дает позитивную оценку своей пословичной ситуации. Действие **А** (стал кем-то) не противоречит взглядам **В**.

Свойство $A \neq C$, $C = A$. $AC \longrightarrow = B$.

Пословичная ситуация № 4

Пословица — Паремия:
Ахы змардаз // абла ифеит[251].
Кому доверили голову // глаза съел.
Пословица в контексте речи:
Ахы змардаз абла ифеит ҳәа, наасыхьи бара?!
Сказано же, кому доверили голову, тот и глаза съел.
Надо же, что я натворил.

Совершив определенный поступок, носитель пословицы сам становится еще и носителем пословичной ситуации. С помощью пословицы он характеризует свой поступок как отрицательный. Входит в противоречие с самим собой, т. е. взгляд, этикет, душевные потребности не совпадают с его действием. Действие, совершенное им самим, вызывает у него внутренний протест, т. е. возмущение (на себя злится, как мог, я мог так поступить). Здесь идет не внешняя реакция на ситуацию, а внутренняя.

Схема ситуации № 4 выглядит просто:
А ——————→ С ——————→ А (С — ситуация, А — носитель ее). А совершает поступок, который возвращается к нему, вызывая определенное переживание, т. е. носитель ситуации сам образует вокруг себя круг. И пословица в данной ситуации выступает в качестве характеристики своего же носителя и его ситуации. Пословица устами своего носителя дает поступку отрицательную оценку через себя. Но другая особенность данной оценки заключается в том, что она не является оценкой самого носителя ситуации, т. е. оценка не носит объективный характер. Она не соответствует истине, а является более субъективной и случайной, так как ситуация складывается вне его воли и желания.

Основные эмоционально-психологические мотивы пословичной ситуации: недовольство носителя ситуации своим поступком; сожаление, что так случилось; обида на себя.

Пословичная ситуация № 5

Сама паремия: Атҽəыуашьа ззымдыруаз // ихы ҧиҽеит[252].
Не умеющий оплакивать // расшиб себе лоб.
Пословица в контексте речи:
Атҽəыуашьа ззымдыруаз ихы пиҽеит ҳəа, аусушьа ҳаздыруам ҳара. Ҳтəар ҳгылаҙом, ҳгылар ҳтəаҙом[253].
Данная пословичная ситуация в чем-то сходится с ситуацией

251 Зап. в селе Джирхуа 24.V.1983 от Чкотуа Д.
252 Зап. в Москве 5.VIII.1982 от Дбар С.
253 Там же.

№ 4. Как и там, здесь идет самооценка. Но если в ситуации № 4 пословицей характеризуется поступок одного человека, то здесь идет характеристика группы людей, находящихся в аналогичной ситуации и совершающих, т. е. ведущих одинаковый образ жизни. Носителем пословичной ситуации является группа людей. А носителем пословицы является — один. Он и есть обобщенное лицо.

Основные психологические моменты пословичной ситуации № 5.

1. недовольство самим собой, своим образом жизни, конкретно — ритмом работы;
2) недовольство действием своих друзей (работают не лучше него);
3) желание высказать свое недовольство самим собой;
4) желание высказать недовольство своими друзьями;
5) желание исправить себя;
6) желание исправить своих друзей;
7) желание предупредить всех;
8) вызвать у них другое желание — т. е. работать иначе, более разумно.

И все эти моменты послужили мотивом для процесса воспроизведения пословичного стиха и пословичной характеристики сложившейся ситуации.

Пословичная ситуация № 6

Сама пословица: Абнатэ рбаҕь ааин // аҩнатэ рбаҕь дэылнацеит[254].

Пришел чужой петух // и прогнал хозяйского петуха.

Пословица в контексте речи:

Абнатэ рбаҕь ааин аҩнатэ рбаҕь дэылнацеит ҳэа, енак шэижэохунтэ Тали лҽы сааиуеит, атэаха, аиаха лыстом[252]. С Тали я делаю тоже самое, что чужой петух, который прогнал (выжил) хозяйского. Прихожу к Тали сто пятнадцать раз на день и не даю ей ни присесть, ни прилечь.

В данном случае пословица приводится не только как средство, характеризующее определенный поступок, она содержит и вторую функцию: носитель произносит пословичную фразу в качестве формулы извинения. Пословичная ситуация выявляет еще одну функциональную особенность пословичных стихов, т. е. она воплощает в себе две особенности:

а) умение быть ситуативно обусловленным;

б) способность выполнять функцию формулы общения, формулы этикета.

254 Зап. в Москве 7.III.1984 от Джопуа Т.
255 Зап. в Москве 25.VI.1985 от Дбар С.

В данном конкретном случае она выступает как формула извинения. Но нужно указать и на то обстоятельство, что вне контекста речи данная пословица не несет этой второй функции. Она является приобретенной в процессе реализации и выступает в качестве побочной функции, т. е. носит ситуативный характер и проявляется только в контексте речи.

Пословичная ситуация № 7

Сама пословица: Ианакум // ҭачкум[256].

Ианакум ҭачкум ҳэа, ианаамҭамыз ҳазбашэхҭыгулеи[257].

Данная пословица вне контекста речи выражает характеристикуо пределенной ситуации. А в контексте речи приобретает функцию формулы общения, извенения, и, в отличие от предыдущей, не несет две функции. Собственной ее функцией становится формула извенения, которую трудно назвать побочной, поскольку пословица в данной ситуации другого значения не имеет. Значит, пословица воплощает в себе два вида паремии: она и пословица, и паремия общения.

Пословичная ситуация № 8

Сама пословица: Иуыламзо ажэа // аҽазэы наумҳэан[258].

Слово, которое может тебя обидеть, не говори другому.

Пословица в контексте речи:

— Иуыламзо ажэа азэы наумҳэан рҳэоит, дад. Уара уоуп зегьы зхароу. Ауаҩы аҽынкылара илазар ауп. Акы зҳэо зегьы рыцҟы сҳэоит ҳэа уалагар, аҩстаа ихьыз уыхьуоит. Аҩстаа узҩыстаахеи ҳэа иаиазцаа «акы аазҳэалагь рыцкы сҳэон», иҳэеит. Умбоо! Уца, сара хумҽхан иара иҽы снеишт[259]. Слово, которое может тебя обидеть, дад, не скажи другому. Во всем виноват ты сам. Человек должен уметь себя сдерживать. Если ты будешь всем отвечать, то с тобой случится то, что случилось с чертом. Когда у черта спросили, почему ты стал чертом, он ответил: «Спорил со всеми». Вот так-то! Под вечер я сам к нему схожу (т. е. попробую помирить вас).

Данная пословичная ситуация отличается от предшествующих в структурном и семантическом отношении. В ее структуру входят две пословицы. Первую воспроизвела сама ситуация (отец не доволен поступком сына: несколько раздраженным тоном он упре-

256 Зап. в селе Члоу 27.V.1982 от Джопуа Ш.
257 Там же.
258 Зап. в селе Абгархыку 7.VI.1983 от Смыр Ч.
259 Зап. в селе Джирхуа 9.VI.1983 от Габниа С.

кает сына за его поступок), а появление второй пословицы носит относительный характер: она своим появлением обязана первой и процессу речи. И если первая пословица несет функции поучения, то вторая предупреждает (если носитель ситуации, он же и виновник ситуации, не запомнит слов отца, т. е. не послушает совета отца, то с ним может случиться что-то невероятное).

Итак, функция второй пословицы (предупреждение носит абстрактный характер, не указывает конкретно на то, что может случиться.

Вторая особенность данной пословичной ситуации заключается в том, что пословичная цель идет непосредственно к объекту назначения, т. е. устанавливается прямой контакт между виновным и его осуждающим. И пословица достигает своей цели. Она высказывается объекту, и объект вынужден задуматься над услышанным.

Основными эмоционально-психологическими моментами данной пословичной ситуации являются: 1) недовольство **А** поступком **В**; 2) эмоции — досада и злость на **В**; 3) желание, потребность **А** высказать свою эмоцию — недовольство; 4) желание **А** поучать **В**; 5) желание **А** предостеречь **В** от возможных неприятных последствий; 6) желание отучить **В** от таких поступков (в данном случие — грубый поступок).

Итак, функция первой пословицы: а) оценить поступок **В**; б) поучать **В**.

Функция второй пословицы — предостеречь.

Пословицы через **А** достигли (относительно) своей цели. Изучение пословицы в контексте речи выявляет еще момент ассоциативной реакции, который является формой воспроизведения пословицы. В основе лежит ситуативная ассоциация, которая сводится к двум основным законам: «смежности и сходства»[260]. Сложившаяся ситуация выражает определенные отношения, которые становятся для наблюдателя предметом ассоциации для воспроизведения пословицы. Ситуативная ассоциация влечет за собой и эмоцию, т. е. возникает пословичная эмоция. Данная эмоция есть импульс к действию, к воспроизведению. Сначала идет внутреннее воспроизведение пословицы. Наблюдение над ассоциативной реакцией как мотива реализации семантики пословичных стихов показывает:

а) сам процесс внутреннего воспроизводства пословицы служит стимулирующим фактором осмысления в памяти определенных поступков, действий и связанных с ними временно-пространственных отношений, которые, в свою очередь, сыграли стимулирующую роль в слуховом воспроизведении пословичных единиц;

[260] Рибо Т. Психология чувств. М., 1897, с. 158.

б) цепочка поступков, действий, взаимоотношений в объективной реальности есть основной источник воспроизведения пословичных единиц, поскольку аналогии всех перечисленных явлений содержатся в структуре, в семантике самих пословиц. Действия, поступки, взаимоотношения людей выполняют сигнализирующую функцию в процессе реализации пословиц.

Возникает следующая взаимосвязь:

а) ситуация есть мотив для воспроизведения пословиц;

б) пословица, в свою очередь, служит как бы вторичной изустной характеристикой ситуации.

Как уже сказано выше, пословицы выражают «характер отношений между вещами», между различными явлениями действительности. При этом они не просто выражают отношения, но и дают определенную оценку им, показывая особенности и степень взаимовлияния, складываются только в деятельности, которая развертывается в пределах определенно сложившейся ситуации. Отсюда и их ситуативная особенность.

Изучение пословицы в процессе реализации ее в контексте речи играет большую роль в выявлении функциональных особенностей жанра паремии. Это говорит и о ее ситуативной обусловленности. Но эта обусловленность не носит абстрактный характер, поскольку пословица является знаком не абстрактных, а конкретных ситуаций и характеризует именно конкретную ситуацию. Поскольку она есть результат логических операций, значит, она обладает и своей мыслительной деятельностью. И эта пословичная речевая деятельность породила ее как знак определенных ситуаций человеческой деятельности.

Итак, не только передача пословичных стихов, но и процесс возникновения их происходит в виде знаков. Поэтому содержание пословичного материала, представленного в виде знаков, можно назвать семантикой этих знаков, т. е. «знаковое отношение есть отношение значения».

Процесс реализации имеет три стороны: а) мотивационную; б) целевую; в) исполнительную.

Как и любая деятельность, пословичная начинается с мотива и завершается результатом, т. е. высказыванием. Мотив — «элемент образа», который вызывает определенное чувство, а чувство — живая реакция на ситуацию. Реакция же, в свою очередь, есть эмоциональное переживание данного чувства. Данное переживание есть «... значащее переживание. А через «значащее переживание» проявляется желание, желание есть «стремление». Главная цель носителя пословичных стихов: охарактеризовать посредством пословицы ситуацию, причину ситуации, поступок, действие и т. д. Основными эмоционально-психологическими моментами пословичной ситуации являются: радость, печаль, недовольство, досада, желание сделать лучше, желание быть лучше.

Причины, обуславливающие пословичную ситуацию, следующие: а) нарушение стереотипа поведения, взглядов, т. е. этикета. Данная причина вызывает отрицательные эмоции, и ситуация получает отрицательную оценку; когда этикет А=В; б) соответствие взглядов, желаний. Поступок А воспринимается В как положительный и дает через воспроизведение пословицы положительную оценку: А ———————— В. В его воспринимает. А=В.

Контекст речи позволяет выяснить степень взаимообусловленности пословичного содержания и ее формы. А выяснение основных эмоционально-психологических моментов, связанных с процессом реализации, позволяет предположить, что пословица явление не только устное и художественное, но и языковое, философское, психологическое, поскольку, как было показано на приведенных выше примерах, она выполняет функцию побуждения. Пословицы создают все условия для порождения и воспроизведения их в контексте речи. Тем самым, пословица характеризует не только ситуацию, но через нее определяет:

а) ее носителя;
б) его самого;
в) его отношение к самому себе;
г) его отношение к окружающим;
д) уровень его культуры, степень воспитанности.

Как показали приведенные примеры, характеристика пословичных ситуаций производится:

а) устами самого носителя ситуации (самокритика);
б) устами человека извне, т. е. свидетелями ситуации.

В первом случае носитель ситуации выступает и как носитель пословичного стиха. Во втором случае носителем пословицы является некий, случайный свидетель. В первом случае пословичное осуждение идет непосредственно от самого субъекта, а во втором — со стороны. Встречается имплицитная форма характеристики (про себя), которая носит пассивный характер, и эксплицитная (вслух), т. е. активная форма пословичной характеристики.

Итак, контекст речи выявил основные причины воспроизведения пословичных стихов. В пословичных ситуациях отражаются не только сами явления, «... но и их значение для отражающего их субъекта»[261].

Пословица в контексте речи (как было показано на примерах) выполняет функцию оценки. Контекст не порождает, а выявляет оценочные возможности пословичных единиц.

Процесс пословичной оценки состоит из следующих элементов: а) субъекта; б) объекта; в) самой оценки; г) критерия оценки[262].

261 Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957, с. 264.
262 Ивин А. А. Основания логики оценок. М., МГУ, 1970, с. 229.

Пословичная оценка выступает как:

а) способ выражения отношения субъекта к объекту;

б) способ выражения субъекта на вещи, на явления действительности.

Пословичная оценка, во-первых, отражает явление объективной действительности. Во-вторых, носитель оценки (т. е. субъект), выражая через пословицу отношение к явлению, к поступку, тем самым выражает свою мораль, этику. А мораль отдельного человека есть часть морали той общности, членом которой является он сам, отсюда и оценка «является одновременно и социальной, общественно закрепленной, общественно признанной»[263]. Об этом свидетельствует и обобщенный характер пословичной мысли. Носитель пословичной оценки, выражая свое отношение к чему-либо, тем самым передает и отношение целой группы к этому явлению или же предмету. Оценивая ситуацию, он исходит не только от себя, он — обобщенное лицо, Я+МЫ. Отсюда и возникает социально-обобщенный характер пословичной оценки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пословицы, поговорки и недоговорки являются жанровой разновидностью устно-поэтического творчества абхазов. Эти паремические единицы обладают самостоятельностью и существуют вне контекста речи, образны, устойчивы по своей структуре и на семантическом уровне.

Однако они различаются по структурно-функциональным особенностям. Пословица всегда обобщает жизненные явления, поговорка же является средством обобщения не по содержанию, а по функциональному назначению, причем ее содержание конкретно и является результатом простого наблюдения. Недоговорка различается как от пословицы, так и от поговорки. Ее функциональные особенности — вызывать определенные эмоции, вводить слушателя в заблуждение — вытекают из жанровой специфики — недоговариваемости.

Различие рассматриваемых жанров прослеживается и в структурном плане. Если пословица всегда структурно представлена в виде полного простого либо сложного предложения, то поговорки, в основном, выражены в форме специфического словосочетания, реже в структуре простого предложения. Недоговорка же встречается исключительно в форме простого распространенного предложения. В речи большая часть недоговорок принимает форму речений.

Абхазские пословицы, поговорки и недоговорки сложное поэтическое, языковое и этно-психологическое явление, в композиционно-

263 Киселева Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. Л. ЛГУ, 1978, с. 19.

стилистическом отношении они, как правило, представляют собой стих. У них свой темп, речевой такт, система интонирования.

В создании единой стилистической системы языка абхазских пословиц участвует параллелизм, способствующий определенной смысловой связи между словами. В композиционном отношении параллелизм способствует созданию пословичного ритма, пословичной симметрии.

Пословичный стих представляет слияние двух видов языков: языка логического, который придает им отчетливую форму, и языка эффективного, благодаря которому пословицы приобретают особую выразительность.

В процессе речи перечисленные афористические жанры приобретают мелодию, зависящую от эмоционально-психологического состояния носителя, от его целенаправленности. Собственно пословичными типами мелодий являются — нисходящий № 2; ровный № 3; восходяще-нисходящий № 4; нисходяще-восходящий; нисходяще-восходящий, восходяще-нисходящий № 5. А восходящий № 7 тип мелодии встречается только в структуре поговорочных выражений. Для недоговорочных стихов характерны восходяще-нисходящий № 8, восходяще-нисходящий, нисходяще-нисходящий типы речевой пословичной мелодии.

Типы мелодии выделены на основе двух признаков: фонетического и семантического. Разыскания в этой области представляют собой экспериментально-фонетическое рассмотрение роли интонации в структуре абхазских пословиц, поговорок и недоговорок.

В отличие от музыкальной мелодии пословичная мелодия не задерживается на одном уровне, а беспрерывно совершает скользящие движения, поскольку она ситуативно обусловлена.

Наряду с интонацией важнейшим средством звуковой организации абхазских пословиц, поговорок и недоговорок является аллитерация — повторение звуков и слов по месту расположения. В структуре абхазских пословиц встречаются аллитерации: начальная, смешанная, внутренняя, парная и конечная; повторы слов по месту: анафора, эпифора, панастрофа, парное повторение первой лексемы, парное повторение второй лексемы, многократные словесные повторы, смешанные многократные повторы, повторы однокоренных слов.

Рассмотрение пословиц и поговорок в процессе их реализации в речи помогло автору прийти к выводу о том, что жанры абхазской паремии представляют собой не только поэтическое и языковое, но и этно-психологическое явление, т. е. в процессе речи раскрываются логико-психологиечские связи пословицы с мышлением.

Возникновение и реализация пословично-поговорочных единиц, как мы проследили, происходит под влиянием окружающей действительности, которая у субъекта вызывает определенные эмоционально-психологические реакции. А эмоционально-психологическое состояние, известная ситуация, в свою очередь, предопределяет выбор субъектом определенных критериев в использовании пословично-поговорочных выражений. При этом жизненная ситуация правоцирует пословичную ситуацию, которая гармонирует с чувственными переживаниями субъекта — как носителя паремии.

Именно в процессе реализации пословично-поговорочных единиц раскрывается их семиотический характер и полифункциональность. Они выражают целый комплекс взаимоотношений: отношение носителя паремических единиц к сложившейся пословичной ситуации, к «возбудителю» ситуации, целенаправленность и морально-этический уровень самого носителя пословицы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава первая

Жанрово-тематическая сущность абхазских паремий: пословица, поговорок, недоговорок 3

Глава вторая

Композиционно-стилистические особенности абхазских пословиц и поговорок 41
Роль интонации в структуре паремических единиц . . 41
Мелодика абхазских пословично-поговорочных стихов . 45
Ударение 54
Аллитерация 54
Параллелизм 64

Глава третья

Когнитивно- психологические аспекты передачи паремии в контекстеречивопределеных ситуативных условиях . . . 77
Заключение 93

Цира Смаил-иԥха Габниа
АԤСУА ФОЛЬКЛОР АФОРИСТТӘ ЖАНРҚУА
(Ажанртә тематикатәи асемантикатә структуратәи ацыдараҟуа)
Урыстәала

ცირა სმაილის ასული გაბნია
ᲐᲤᲮᲐᲖᲣᲠᲘ ᲤᲝᲚᲙᲚᲝᲠᲘᲡ ᲐᲤᲝᲠᲘᲖᲛᲣᲚᲘ ᲟᲐᲜᲠᲔᲑᲘ
რულ-თემატური და სტრუქტურულ-სემანტიკური თავისებურებანი)
რუსულ ენაზე

Цира Смаиловна Габниа
АФОРИСТИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ АБХАЗСКОГО ФОЛЬКЛОРА
(Жанрово-тематические и структурно-семантические особенности)

ИБ 1470

Редактор Л. Е. Аргун
Оформление обложки Л. И. Евменова
Художественный редактор П. Г. Цквитария
Технический редактор Л. И. Евменов
Корректор Ж. И. Гублиа

Сдано в произв. 28.09.1990 г. Подп. к печ. 27.12.1990 г.
Формат 60 x 84 1/16. Тип. бум. № 2. Физ. печ. л. 6,0.
Усл. печ. л. 5,58. Усл. кр.-отт. 5,8. Уч.-изд. л. 6,22.
Тираж 600. Заказ 5446. Цена 45 коп.

Издательство «Алашара», Сухуми, ул. Ленина, 9.

Сухумская типография им. Ленина Управления печати при Совете Министров Абхазской АССР. Сухуми, ул. Эшба, 168.